

Ежемесячный мониторинг глобальных стратегических трендов

Выпуск № 15
Апрель – май 2025
«Поиск стратегических ориентиров»

все выпуски здесь

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ
ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ
И СТРАТЕГИИ НИУ ВШЭ

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Составители

Д.В. Тренин (руководитель проекта), к.и.н., директор Института мировой военной экономики и стратегии, dtrenin@hse.ru

Е.А. Дегтерева (заместитель руководителя проекта), д.э.н., заместитель директора Института мировой военной экономики и стратегии, edegtereva@hse.ru

А.Ю. Чихачев (научный редактор), к.полит.н., ведущий эксперт Центра стратегических исследований Института мировой военной экономики и стратегии, achihachev@hse.ru

Е.М. Горюшина (аналитик), к.полит.н., заместитель директора Центра стратегических исследований Института мировой военной экономики и стратегии

А.С. Асафьев (аналитик), эксперт Центра стратегических исследований Института мировой военной экономики и стратегии

А.Г. Зуева (аналитик), эксперт Центра военно-экономических исследований Института мировой военной экономики и стратегии

А.И. Сабанцев (аналитик), стажер-исследователь Института мировой военной экономики и стратегии

А.Д. Янькова (аналитик), младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований

А.С. Прокофьева (верстка/дизайн)

Ежемесячный мониторинг глобальных стратегических трендов

по материалам зарубежных
аналитических центров

Институт мировой военной экономики и стратегии НИУ ВШЭ (ИМВЭС НИУ ВШЭ) представляет **«GS trends 4-5'25: мониторинг глобальных стратегических трендов»**.

- Каждый выпуск составлен по материалам ведущих зарубежных аналитических центров и обеспечивает краткий аналитический формат, что позволяет экономить время.
- Мониторинг отражает наиболее важные экспертные идеи в области международной безопасности, военной политики и экономики.
- Публикации сгруппированы по странам и объединены в ключевые тематические разделы.
- Выпуск основывается на информации, доступной на последний день каждого месяца.
- Выборка материалов зарубежных центров сформирована экспертами-аналитиками ИМВЭС, профессионально владеющими различными языками (в том числе китайским, корейским, японским, немецким, французским, итальянским, польским и др.).
- Уникальность мониторинга заключается в том, что многие оригинальные доклады зарубежных аналитических центров в России недоступны.
- Мониторинг будет полезен широкому кругу специалистов, в том числе исследователям, а также лицам, принимающим решения.

Выпуск «GS trends 4-5'25: мониторинг глобальных стратегических трендов» посвящен вопросу о том, каким образом отдельные государства пытаются отыскать в бурно меняющемся мире собственные стратегические ориентиры, – как внешнеполитические, так и военно-экономические.

Материал открывает объемный раздел «Стратегия», содержащий группу статей, подготовленных под эгидой аналитических центров США, Великобритании, Франции, КНР, Индии, Республики Корея. В представленной подборке особо обращают на себя внимание публикации Института исследований внешней политики (FPRI), в которых американские эксперты, например, призывают руководство своей страны не заключать поспешных сделок по Украине, а также уделять большее внимание безопасности Северной Европы. Британские эксперты среди прочего указывают на историческую обусловленность нынешней российской политики, считая, что та руководствуется привычными схемами вроде «воссоединения славянских народов». Китайских же аналитиков, представленных в этом блоке, в большей степени интересует ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе – американская стратегия и дипломатические возможности АСЕАН. В свою очередь, индийские эксперты критикуют стратегию действий Пекина «ниже порога конфликта», отмечая растущее противодействие со стороны региональных держав. В поле зрения французского Средиземноморского фонда стратегических исследований (FMES) попало греко-турецкое соперничество в Восточном Средиземноморье и недавние успехи Анкары в «геополитическом окружении» Афин.

Раздел «Экономика» включает в себя несколько материалов из США, Италии, Республики Кореи и КНР. В частности, в публикации от южнокорейского Института стратегии национальной безопасности (INSS) обсуждается вопрос о зависимости местного ВПК от американских технологий. Подчеркивается, что, если Республика Корея рассчитывает в средне- и долгосрочной перспективе остаться в числе наиболее продвинутых военных держав мира и выдерживать международную конкуренцию, ей необходимо сделать более акцентированную ставку на поддержку технологического суверенитета и проведение НИОКР. Схожие выводы по своей стране делают и эксперты из Центра новой американской безопасности (CNAS), считающие, что оборонно-промышленная база США должна расширить производственные возможности, научиться оперативнее реагировать на потребности вооруженных сил, демонстрировать гибкость и устойчивость.

Раздел «Новые технологии» содержит взгляд аналитиков из Китайской военной сети на разработку Японией собственных морских беспилотников. В Пекине убеждены, что появление у восточного соседа такой технологии отражает стремление Токио играть более активную роль в обеспечении стабильности в Тайваньском проливе, расширять взаимодействие с США и Австралией. Япония продолжает долгосрочную стратегию по «функциональной нормализации» своего военного потенциала.

Раздел «Военная мысль» отражает часть дискуссии в европейской экспертной среде о путях формирования оборонной идентичности Евросоюза. Одна из свежих заметок в итальянском Институте международных отношений (IAI) в очередной раз призывает работать над созданием реальной стратегической автономии, которая опиралась бы на минимально достаточный, но эффективный оборонный потенциал, в перспективе включающий ядерный компонент на основе французского арсенала и возможный только при условии политического единства стран ЕС.

Раздел «Ядерное сдерживание» включает статью из южнокорейского Асанского института политических исследований. Авторы анализируют текущую стратегическую обстановку в Северо-Восточной Азии, эволюцию российской ядерной доктрины и темпы наращивания ядерного арсенала Пхеньяна. Вывод заключается в том, что Республике Корея предстоит выбор из двух зол: либо тоже обзавестись собственным ЯО, либо принять на своей территории часть американского арсенала (второй вариант считается более разумным).

Раздел «Специальная военная операция» представлен материалом из Института международных и стратегических исследований Пекинского университета. В нем предпринята попытка объяснить для широкой экспертной аудитории, какую позицию в российско-украинском конфликте занимает Китай – не нейтральную или пассивную, а конструктивную, предполагающую осторожную поддержку России исходя из собственных интересов.

Если вы не нашли в этом выпуске нужный вам материал или хотите дать обратную связь, можете обратиться к А.Ю. Чихачеву (achihachev@hse.ru).

Содержание

СТРАТЕГИЯ.....	9
США	9
Неправильная сделка между Россией и Украиной может подорвать безопасность США	9
Лидеры стран Центральной Азии встречаются для снижения многолетних напряженностей в Ферганской долине.....	12
Интеграция всеобщей обороны и военного обеспечения в новой парадигме северной безопасности.....	15
Соединенные Штаты создают новое управление стратегических служб (OSS)?	18
Великобритания	20
Как воюет «Корпус XXI в.»	20
Каков стратегический взгляд на трансатлантическую безопасность?	22
Как Европа может финансировать свою оборону, не разорившись?	24
История как стратегическая необходимость для переговоров с Россией	26
Значение Черного моря для европейской безопасности ..	28
Франция	30
Греция на перепутье: от падения Дамаска до первых месяцев администрации Трампа	30
Китай.....	33
Новая стратегия национальной безопасности и направление политики безопасности Японии.....	33
АСЕАН расширяет дипломатические возможности для ответа на внутреннее и внешнее давление	36

Основываясь на трех пунктах, отвечать на новую расстановку сил США в Азиатско-Тихоокеанском регионе	38
От Байдена к Трампу 2.0: стратегическая динамика и перспективы трехстороннего механизма США – Япония – Филиппины	40
Идеологический фронт: укрепление и развитие нерушимого единства между армией, государством и народом	43
Индия	45
Вызовы для китайской военной стратегии «ниже порога конфликта» в «ближних морях»	45
Республика Корея	48
Последствия для Южной Кореи от происходящих изменений в архитектуре европейской безопасности	48
ЭКОНОМИКА	52
США	52
От станка до фронта	52
Италия	54
Нераспространение: финансовый фронт	54
Республика Корея	56
Временное стратегическое руководство по национальной безопасности США и перспективы для K-Defense	56
Китай	59
Оружие сильного? – Рецензия на книги «Использование и злоупотребление вооруженной взаимозависимостью» и «Подпольная империя: Как Америка превратила мировую экономику в оружие»	59
НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ	63
Китай	63
Япония ускоряет разработку надводных беспилотников ..	63
ВОЕННАЯ МЫСЛЬ	66
Италия	66
Защита Европы	66

ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ	68
Республика Корея	68
Возвращение шестидесятых: восстановление ядерного присутствия США в США	68
СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ.....	73
Китай.....	73
Выбор политики Китая и китайско-российские отношения на фоне украинского кризиса	73

СТРАТЕГИЯ

США

Неправильная сделка между Россией и Украиной может подорвать безопасность США
(The Wrong Russia-Ukraine Deal Could Undermine US Security)

Институт исследований внешней политики
(The Foreign Policy Research Institute, FPRI)

Филип Василевски (Philip Wasielewski), директор Центра изучения разведки и нетрадиционных методов ведения войны при Институте исследований внешней политики и старший научный сотрудник Евразийской программы FPRI. Бывший оперативный сотрудник военизированных формирований, проработавший 31 год в оперативном управлении Центрального разведывательного управления

15.05.2025. URL: <https://www.fpri.org/article/2025/05/the-wrong-russia-ukraine-deal-could-undermine-us-security/>

Теги: #США #Informational

В статье звучит призыв к взвешенному подходу в вопросах урегулирования конфликта. Автор рекомендует американским политикам избегать поспешных соглашений, которые могут подорвать долгосрочную безопасность. Вместо этого следует разрабатывать стратегии, направленные на усиление позиций Украины, поддержание союзников и противостояние расширению влияния России и Китая. Автор убежден, что для США крайне важно сохранить лидирующую роль в глобальной политике, а это возможно только при условии, что конфликт на Украине разрешится на условиях, укрепляющих международную систему безопасности, а не ослабляющих ее.

Текущая ситуация и тупиковость переговорного процесса

Василевски подчеркивает, что переговоры между Россией и Украиной находятся в состоянии глубокого кризиса. Ни одна из сторон не обладает достаточным военным и политическим ресурсом для полной победы, однако обе способны продолжать боевые действия длительное время. Россия демонстрирует готовность игнорировать давление Запада и США, в то время как Украина твердо отказывается называть территориальные уступки приемлемыми. Это создает замороженный конфликт, который, скорее всего, затянется и приведет к дальнейшей эскалации. Такой затяжной конфликт становится источником нестабильности не только в Европе, но и в глобальном масштабе, что ставит под угрозу интересы безопасности США и их союзников.

Риски заключения невыгодного мирного соглашения

Автор особенно акцентирует внимание на опасности принятия соглашения, которое будет устраивать обе стороны, но которое в итоге ослабит позиции Украины и усилит Россию. Существует риск, что в попытках ускорить мирный процесс США и международное сообщество могут пойти на компромисс, который позволит России легитимизировать свои завоевания и расширить влияние в Европе. Подобный сценарий не только усугубит конфликтную ситуацию в регионе, но и создаст благоприятные условия для роста геополитического влияния России и ее союзников, в том числе Китая, что подорвет глобальное доминирование США.

По мнению Василевски, США располагают возможностями и инструментами для продвижения к миру, но этот процесс требует четкой стратегии, в которой одна сторона – Украина – должна быть в выигрышном положении. Признание или усиление позиций России в ущерб Украине создаст угрозу безопасности не только для Европы, но и для самой Америки, усиливая конкуренцию и расширяя сферу влияния противников США.

Идентичностный аспект конфликта

Особое внимание автор уделяет идентичностному характеру конфликта. Для Путина война – это попытка устранить украинскую национальную идентичность и интегрировать Украину обратно в орбиту российского влияния. Для украинцев же конфликт – это борьба за самоопределение и сохранение своей культурной и политической независимости. Такой глубоко укоренившийся идентичностный конфликт невозможно решить простой договоренностью о статусе территорий или временным перемирием.

Сложность заключается в том, что ни одна из сторон не готова отказаться от своих принципиальных позиций и воспринимает войну как вопрос существования нации. Это говорит о высокой вероятности продолжения конфликта в долгосрочной перспективе независимо от попыток дипломатического урегулирования.

Перспективы переговоров и условия мира

Василевски отмечает, что для достижения устойчивого мира необходимо либо полное признание украинского суверенитета, включая возвращение Крыма и восточных территорий, либо признание Украиной российского доминирования – второй вариант практически невозможен из-за внутренней позиции Киева и международной поддержки. Пока ни одна из этих опций не выглядит реалистичной.

Автор подчеркивает, что переговоры без фундаментального изменения позиций будут лишь временной передышкой и не приведут к долговременному прекращению огня. В условиях ухудшения экономической и военной ситуации одной из сторон возможен внутренний кризис, который и определит исход войны.

Последствия для безопасности США

Ключевым выводом статьи является утверждение, что любое соглашение, усиливающее Россию и ослабляющее Украину, угрожает национальной безопасности США. Укрепление российского влияния в Восточной Европе создаст новые вызовы для американской стратегии сдерживания, а также усилит союз Китая и России, что увеличит давление на США в различных регионах мира. Таким образом, США необходимо обеспечить, чтобы их внешнеполитические решения и дипломатия были направлены на поддержание и укрепление позиции Украины, а не на компромиссы, ведущие к геополитическому проигрышу.

Лидеры стран Центральной Азии встречаются для снижения многолетних напряженностей в Ферганской долине

(Central Asian Presidents Meet, Seeking to Defuse Decades of Tensions in the Ferghana Valley)

Институт исследований внешней политики
(The Foreign Policy Research Institute, FPRI)

Брюс Панье (Bruce Pannier), научный сотрудник по Центральной Азии в рамках Евразийской программы Института исследований внешней политики, а также журналист и корреспондент со стажем, пишущий о Центральной Азии

16.04.2025. URL: <https://www.fpri.org/article/2025/04/central-asian-presidents-meet-seeking-to-defuse-decades-of-tensions-in-the-ferghana-valley/>

Теги: #США #Informational #Strategy

В статье рассматривается знаковая встреча президентов Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, направленная на урегулирование многолетних конфликтов и напряженности в стратегически значимой Ферганской долине – регионе с богатыми ресурсами, сложной этнической картиной и исторически напряженными отношениями между соседними государствами.

Контекст и значение Ферганской долины

Ферганская долина – один из самых густонаселенных и экономически важных регионов Центральной Азии, где пересекаются границы трех государств: Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Регион богат сельскохозяйственными ресурсами, водными источниками и транспортными артериями, что делает его жизненно важным для стабильности и развития каждой из стран.

Однако именно здесь сосредоточены многие спорные вопросы – демаркация границ, контроль над водными ресурсами, вопросы этнических меньшинств и ограниченный доступ к инфраструктуре, – что регулярно становится причиной конфликтов и эскалаций. В прошлом десятилетии здесь неоднократно возникали локальные столкновения и вооруженные инциденты, приводившие к человеческим жертвам и экономическим потерям.

Причины многолетней напряженности

Автор статьи отмечает, что основой для постоянных конфликтов в Ферганской долине является наследие советского периода, когда границы были проведены без учета этнических и экономических реалий региона. Кроме того, отсутствие согласованных механизмов управления общими ресурсами, особенно водными, усугубляет проблемы, порождая взаимные обвинения и усиливая недоверие.

Кроме того, политическая конкуренция и националистические настроения внутри стран также подогревают противостояние. Растущая бедность, высокий уровень безработицы и ограниченные возможности для молодежи способствуют социальному напряжению и риску радикализации.

Новые усилия по урегулированию

Встреча президентов Центральной Азии стала знаковым событием, символизирующим стремление к совместному решению накопившихся проблем. По словам автора, она прошла на фоне обострения региональной безопасности, вызванного как внутренними вызовами, так и воздействием внешних игроков, заинтересованных в сохранении влияния в Центральной Азии.

На переговорах обсуждались ключевые вопросы: точная демаркация границ, совместное управление водными ресурсами, развитие транспортных коридоров и создание механизмов быстрого урегулирования конфликтов. Также подчеркивалась важность экономического сотрудничества и интеграции, которая могла бы повысить уровень жизни в регионе и снизить социальное напряжение.

Роль международного сообщества и геополитика

Автор статьи указывает, что к процессу мирного урегулирования проявляют интерес как региональные, так и глобальные игроки: Россия, Китай, США и Европейский союз. Каждый из них имеет свои стратегические интересы и предлагает различные формы поддержки – от финансовых вложений до дипломатического посредничества.

В то же время вмешательство внешних сил может как способствовать укреплению стабильности, так и осложнять ситуацию, если интересы сторон не совпадают или используются для усиления конкуренции. Поэтому успех мирного процесса во многом зависит от того, насколько лидеры Центральной Азии смогут сохранить собственную инициативу и выработать общий стратегический курс.

Вызовы и перспективы

Несмотря на позитивный настрой, автор статьи обращает внимание на существующие риски и сложности. Процесс урегулирования может затянуться из-за сложной этнической мозаики, исторических обид и недоверия между народами. Кроме того, отсутствие сильных институтов и прозрачных механизмов сотрудничества затрудняет внедрение соглашений в практику.

Тем не менее есть предпосылки для оптимизма. Новая волна диалога показывает, что руководство стран региона готово искать компромиссы, учитывая взаимозависимость экономических и политических интересов. В долгосрочной перспективе успешное разрешение конфликта в Ферганской долине способно стать важным шагом к укреплению стабильности во всей Центральной Азии.

Рекомендации для региональных лидеров и международных партнеров

В статье подчеркивается необходимость комплексного подхода, включающего:

- 1) укрепление институциональной базы для координации совместных действий в области водных и ресурсных вопросов;
- 2) развитие программ экономического сотрудничества и инфраструктурных проектов, стимулирующих интеграцию;
- 3) создание механизмов быстрого реагирования на локальные конфликты с участием нейтральных посредников;
- 4) вовлечение молодежи и гражданского общества в процесс диалога и построение доверия;
- 5) координацию усилий международного сообщества с акцентом на поддержку региональной инициативы и уважение суверенитета.

Встреча президентов стран Центральной Азии по вопросам Ферганской долины стала важным событием, отражающим стремление к миру и сотрудничеству в одном из самых проблемных регионов Евразии. Несмотря на серьезные вызовы, процесс диалога открывает перспективы для устойчивого развития и региональной безопасности.

Эффективное решение многолетних конфликтов потребует терпения, политической воли и конструктивного взаимодействия как внутри стран региона, так и с международными партнерами. В случае успеха это может стать примером для разрешения других затяжных конфликтов и укрепить стабильность в Центральной Азии, что имеет стратегическое значение для всей Евразийской зоны и глобальной безопасности.

Интеграция всеобщей обороны и военного обеспечения в новой парадигме северной безопасности**(Integrating Total Defense and Military Sustainment in the New Northern Security Paradigm)**

Институт исследований внешней политики
(The Foreign Policy Research Institute, FPRI)

Арнис Цимерманис (Arnis Cimermanis), стипендиат Балтийско-американского фонда свободы (BAFF), в настоящее время работает в рамках Трансатлантической программы по обороне и безопасности в Центре анализа европейской политики (CEPA)

08.04.2025. URL: <https://www.fpri.org/article/2025/04/integrating-total-defense-and-military-sustainment-in-the-new-northern-security-paradigm/>

Теги: #США #Informational #Strategy

В статье рассматривается важность трансформации подходов к национальной безопасности в условиях меняющейся геополитической обстановки в северных регионах, особенно в Арктике и на прилегающих территориях. Автор подчеркивает, что новая парадигма безопасности требует интеграции концепции всеобщей обороны (total defense) и устойчивого военного обеспечения (military sustainment) как ключевых элементов эффективной защиты.

Новый северный вызов и его особенности

В статье отмечается, что изменения в климате и геополитические сдвиги делают северные территории и Арктику стратегически важными для многих государств. Расширение морских путей, доступ к природным ресурсам и усиление военного присутствия различных стран создают сложную и динамичную среду. Автор указывает, что традиционные военные подходы уже недостаточны для обеспечения безопасности в этом регионе, поскольку здесь важны как военные возможности, так и активное участие гражданского общества и инфраструктуры.

По словам эксперта, «Север – это не только арена военных операций, но и жизненно важная зона для экономики, транспорта, экологии и социальной стабильности». Это требует системного подхода, объединяющего усилия вооруженных сил, государственных институтов и населения.

Концепция всеобщей обороны: интеграция общества и армии

Ключевым аспектом статьи является идея всеобщей обороны – стратегии, при которой каждый элемент общества вовлечен в обеспечение национальной безопасности. В условиях северных регионов это означает мобилизацию не только военных ресурсов, но и гражданской инфраструктуры, включая транспортные сети, медицинские учреждения, энергетические системы и промышленность.

Автор обращает внимание, что «эффективная защита северных территорий возможна только при тесном взаимодействии армии и гражданских структур, а также при готовности населения участвовать в оборонных мероприятиях». Важную роль играет обучение, информационная поддержка и развитие инфраструктуры, способной работать в экстремальных климатических условиях.

Военное обеспечение и устойчивость

Другой центральный момент – военное обеспечение, под которым понимается способность вооруженных сил поддерживать операции в условиях ограниченных ресурсов и сурового климата. Автор подчеркивает, что для северных регионов важно развитие технологий, логистики и систем снабжения, позволяющих быстро реагировать на угрозы и сохранять боеспособность.

В статье говорится, что «поддержка войск на Севере требует не только эффективного управления запасами, но и инновационных решений в области транспорта, связи и энергообеспечения». Особое значение имеет создание мобильных и автономных систем снабжения, а также подготовка персонала к работе в экстремальных условиях.

Геополитический контекст и международное сотрудничество

Статья рассматривает растущую конкуренцию в Арктике, где столкнулись интересы таких стран, как Россия, США, Канада, Норвегия и Китай. Автор отмечает, что «военные и экономические амбиции требуют от государств адаптации своих стратегий и усиления сотрудничества с союзниками».

В этом контексте интеграция всеобщей обороны и военного обеспечения становится инструментом не только национальной, но и коллективной безопасности. Развиваются механизмы обмена информацией, координации учений и совместного использования инфраструктуры.

Вызовы и перспективы реализации новой парадигмы

Несмотря на значимость концепции, автор указывает на ряд сложностей. Среди них – необходимость значительных инвестиций в инфраструктуру, преодоление бюрократических барьеров и обеспечение долгосрочной политической поддержки. Критически важно развивать доверие между военными и гражданскими структурами, а также между странами-соседями.

«Преодоление этих вызовов требует комплексного подхода и постоянного диалога между всеми заинтересованными сторонами», – подчеркивается в статье.

Рекомендации и стратегические приоритеты

Статья предлагает конкретные направления для успешной реализации новой парадигмы северной безопасности:

- усиление интеграции между военными и гражданскими институтами на всех уровнях;
- инвестиции в инфраструктуру, пригодную для эксплуатации в экстремальных климатических условиях;
- развитие систем обучения и подготовки населения к участию во всеобщей обороне;
- расширение международного сотрудничества и координации действий;
- внедрение современных технологий для повышения устойчивости военного обеспечения.

Делается вывод, что новая парадигма северной безопасности, основанная на интеграции всеобщей обороны и устойчивого военного обеспечения, является жизненно необходимой для эффективной защиты национальных интересов в условиях быстро меняющегося геополитического ландшафта. Только комплексный, системный и многоуровневый подход позволит государствам успешно противостоять новым вызовам и сохранить стабильность в северных регионах.

Соединенные Штаты создают новое управление стратегических служб (OSS)? (A New Office of Strategic Services?)

Институт исследований внешней политики
(The Foreign Policy Research Institute, FPRI)

Джей Р. Сигер (J.R. Seeger), в прошлом археолог, десантник, офицер разведки ЦРУ и инструктор нескольких подразделений специального назначения. Во время службы возглавлял множество небольших отрядов, в том числе одну из групп ЦРУ, проникших в Афганистан после 11 сентября. Среди наград Сигера – Звезда разведчика, медаль «За выдающуюся карьеру в разведке» и премия Джорджа Буша за выдающиеся достижения в борьбе с терроризмом

01.05.2025. URL: <https://www.fpri.org/article/2025/05/a-new-office-of-strategic-services/>

Теги: #США #Informational

Объемный материал американского Центра изучения разведки и нетрадиционных военных действий при Институте исследований внешней политики актуализирует потребность правительства США в создании нового управления стратегических служб (OSS). Цель его создания заключается в формировании цикла сбора, анализа и проведения секретных операций против врага. Офицер разведки ЦРУ Джей Р. Сигер детально анализирует множество попыток возродить OSS за последние 80 лет.

Истоки: Рузвельт и Донован

В 1940 г. изоляционизм в конгрессе мешал Рузвельту поддерживать союзников. США не имели единого органа, собирающего стратегическую разведку. Разрозненные ведомства работали самостоятельно. По рекомендации министра ВМС Рузвельт привлек Уильяма Дж. Донована, героя Первой мировой, для создания разведывательной службы. В июне 1941 г. указом Рузвельта было создано Управление по координации информации (COI), которое позже, 13 июня 1942 г., стало OSS. Организация занималась сбором, анализом и передачей секретной информации президенту, а также диверсиями и подрывной деятельностью. OSS часто критиковали ФБР и военные ведомства. Несмотря на поддержку командования, OSS было расформировано в 1945 г. по решению Трумэна.

Холодная война 1.0

В 1946 г. Трумэн осознал, что без OSS отсутствует структура стратегической разведки. Закон о нацбезопасности 1947 г. создал минобороны и ЦРУ, централизовав разведывательную деятельность. Однако для борьбы с СССР и Китаем этого оказалось мало. В 1948 г. Кеннан предложил концепцию «политической войны». ЦРУ создало Управление по координации политики (ОРС), занимавшееся скрытыми операциями, включая «Радио Свободная Европа» и перевороты в Иране и Гватемале. Из-за конфликтов между ОРС и другими подразделениями в 1952 г. их объединили в Управление планирования с единой координацией на местах.

Армия США в 1950-х гг. пыталась восстановить возможности OSS. В 1952 г. был создан спецназ, частично из бывших сотрудников OSS. Закон о Лодже (1950) позволил принимать на службу иностранных граждан, владеющих языками Восточной Европы, что способствовало созданию 10-й группы спецназа и других элитных подразделений.

После 11 сентября и холодной войны 2.0

С 1960-х гг. ЦРУ и спецназ сотрудничали в разных регионах. После создания USSOCOM и JSOC, особенно после 11 сентября 2001 г., это взаимодействие усилилось. Сегодня возможности спецопераций и разведки намного превосходят OSS. ЦРУ поддерживает глобальное присутствие (особенно HUMINT), тогда как USSOCOM имеет боевой потенциал, но не столь масштабную сеть. В идеале эти усилия нужно объединить.

Уроки OSS

1. Необходима единая структура, сочетающая сбор, анализ и скрытые операции.
2. Опыт операции OSS «Сассекс» показывает важность интеграции разведгрупп в боевые командования.
3. OSS успешно внедряло программы дезинформации и психологической войны, что актуально и сегодня.

Использовать эти возможности можно с опорой на существующие структуры ЦРУ, USSOCOM и минобороны без создания новой организации. Но ключевым остается наличие единой стратегии – как в годы Второй мировой и холодной войны. Для победы в новой холодной войне 2.0 требуется координированный межведомственный план, аналогичный меморандуму Кеннана.

Королевский объединенный институт оборонных исследований
(Royal United Services Institute for Defence and Security Studies, RUSI)

Ральф Вудисс (Lieutenant General Sir Ralph Wooddisse), генерал-лейтенант, участник многих операций НАТО, включая бомбардировки Югославии. Занимал должность командующего Сухопутными войсками (Commander Field Army) с 2021 по 2024 г. и в настоящее время является командующим Корпусом быстрого реагирования НАТО (Commander, Allied Rapid Reaction Corps)

27.05.2025. URL: <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/how-21st-century-corps-fights>

Теги: #Великобритания #Military

Действующий высокопоставленный офицер ВС Великобритании подготовил аналитический обзор трансформации современных корпусных соединений в условиях новых технологических и тактических реалий операций, идущих одновременно в нескольких средах.

Автор подчеркивает, что корпус в современной военной архитектуре НАТО занимает промежуточное положение между тактическим и оперативным уровнями, играя ключевую роль в ведении «глубокого боя». В отличие от дивизий, которые сосредоточены на «ближнем бою» и ведении боевых действий непосредственно с противником, подразделения корпусного уровня наносят удары по важнейшим объектам противника в глубине за линией фронта – командованию, системам управления, артиллерии, средствам радиоэлектронной борьбы, ПВО и логистике. Это позволяет формировать благоприятную обстановку для подразделений более низкого уровня организации для ведения общевойскового боя.

Географически зона ответственности корпуса охватывает примерно 100 км в ширину и 200 км в глубину с возможностью поражения целей на расстоянии до 300 км и более. По численности корпус может включать от 50 до 150 тыс. человек с соответствующим вооружением и техникой, что требует сложной координации и управления в мультидоменном пространстве (включая киберсферу и информационное давление). Корпус сталкивается с высокой степенью сложности и необходимостью длительного ведения боевых действий. Важнейшими задачами являются защита собственных сил – создание «защитного кокона» в физическом и электромагнитном пространствах, что обеспечивает свободу маневра и возможность наносить удары в глубину без чрезмерного риска на оперативном уровне. Такая многоуровневая защита становится фундаментом организации корпусом ведения боевых действий.

Особое внимание уделяется логистике. Обеспечение своевременного прибытия и поддержания боеспособности корпуса требует координации на уровне всего общества и промышленности, особенно в условиях развертывания многонациональных сил за рубежом.

Подчеркивается критическая важность активного внедрения беспилотных систем и новых типов вооружений. Автор утверждает, что традиционные системы – танки, ударные вертолеты, артиллерия – сохраняют свое значение, но их необходимо интегрировать с более дешевыми, расходуемыми беспилотными системами. Целевой баланс боевых средств армии Великобритании предусматривает для расходуемых систем долю в 40%, а для пилотируемых – только 20%. Такая внушительная доля расходуемых вооружений (высокоточных вооружений, БПЛА) относительно традиционной боевой техники напрямую проистекает из опыта анализа британским руководством опыта боев на Украине.

Королевский объединенный институт оборонных исследований
(Royal United Services Institute for Defence and Security Studies, RUSI)

Александр Маттелар (Alexander Mattelaer), приглашенный автор. Доцент по международной безопасности в Центре безопасности, дипломатии и стратегии Брюссельской школы управления и старший научный сотрудник Института Эгмонт – Бельгийского королевского института международных отношений

22.05.2025. URL: <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/what-strategic-outlook-transatlantic-security>

Теги: #Великобритания #НАТО

Автор отмечает, что европейская безопасность находится под серьезным давлением из-за продолжающейся военной операции России против Украины и ослабления американской готовности к безусловной поддержке Европы. Администрация США при Трампе сместила акцент на то, что европейские союзники должны брать на себя большую долю ответственности за оборону НАТО, что связано с ограниченностью ресурсов и необходимостью реагировать на растущие угрозы со стороны Китая, Ирана, Северной Кореи и России, полагает А. Маттелар.

В ответ на эти вызовы европейские страны ускоряют наращивание своих военных возможностей. После утверждения новых региональных планов обороны на саммите в Вильнюсе в 2023 г. национальные оборонные ведомства многих европейских стран получили четкие задачи по усилению сил, ориентированных на отражение возможной «российской агрессии». Встреча министров обороны в июне 2025 г. должна закрепить распределение целевых показателей по странам-участницам. При этом становится очевидным, что Европа не может полагаться на помощь США в случае кризиса, а стратегические возможности США в разных регионах могут быть ограничены из-за риска одновременных конфликтов. Это требует от европейских союзников ускоренного и согласованного увеличения своих вооруженных сил и развития военной инфраструктуры.

В условиях постоянных ядерных угроз со стороны России НАТО вынуждено пересматривать свою ядерную стратегию, чтобы повысить гибкость и адаптивность ядерных сил альянса. Российская ядерная доктрина включает широкий спектр стратегических и тактических ядерных средств, что требует от НАТО не только стратегического, но и регионального ядерного сдерживания. Франция и Великобритания расширят свои тактические ядерные возможности, чтобы снизить нагрузку на США, а неядерные союзники должны обеспечивать интеграцию планирования и поддержку возможных операций с применением ядерного оружия на конвенциональном уровне.

Европейские государства сталкиваются с необходимостью сочетать европейскую интеграцию оборонной промышленности с трансатлантическим сотрудничеством, чтобы удовлетворить потребности в новых и существующих системах вооружений. Важными остаются вопросы доступа к критическим сырьевым ресурсам, кадровые проблемы и регуляторные барьеры, которые требуют упрощения процедур и ускорения процесса госзакупок вооружений.

Королевский объединенный институт оборонных исследований
(Royal United Services Institute for Defence and Security Studies, RUSI)

Калвин Бэйли (Calvin Bailey), приглашенный автор. Депутат от лейбористской партии по избирательному округу Лейтон и Уонстед, избранный 5 июля 2024 г. В 1999 г. получил степень магистра инженерии в Университете Эксетера, а в 2017 г. завершил обучение по программе магистра искусств в области военных исследований в Королевском колледже Лондона. Провел более 24 лет в Королевских военно-воздушных силах, окончил военную карьеру в звании командира звена (Wing Commander). Во время службы возглавлял гуманитарные миссии и операции в зонах конфликтов. За поддержку операций по оказанию помощи на Гаити и на Филиппинах был награжден орденом Британской империи (MBE). Руководил процессом эвакуации 14 тыс. человек из Кабула в рамках операции Pitting. Член комитета по обороне и активно участвует в нескольких межпартийных парламентских группах (APPGs)

Грэм Дауни (Graeme Downie), приглашенный автор. Депутат от Лейбористской партии по избирательному округу Данфермлайн и Доллар, занимающий этот пост с 4 июля 2024 г. Бизнесмен

25.04.2025. URL: <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/how-can-europe-fund-its-defence-without-breaking-bank>

Теги: #НАТО #Западная Европа #Infrastructure #Finance

Европа находится в сложной ситуации: на фоне российской агрессии и экономической нестабильности необходимость увеличения оборонных расходов становится критической, однако правительства сталкиваются с ограничениями бюджетов, ростом социальных расходов и политическим давлением. При этом раздробленность европейской системы закупок вооружений, ориентированной на национальные интересы, ведет к росту затрат и снижению эффективности, что усугубляет проблему.

Особенно уязвимой оказывается ситуация в условиях валютной нестабильности, как показал пример Великобритании после девальвации фунта в 2022 г., что резко увеличило стоимость контрактов, номинированных в долларах США. Аналогичные риски существуют и для крупных европейских проектов, таких как Global Combat Air Programme (GCAP), где долгосрочное финансирование и стабильность крайне важны. В статье приводится пример 1960-х гг., когда Великобритания, пытаясь сократить расходы, отказалась от собственного самолета TSR-2 в пользу закупки американского F-111. Однако девальвация фунта и экономические сложности привели к отмене и этого проекта, что ослабило британскую оборонную промышленность и сделало страну зависимой от иностранных поставок.

Основное предложение – создание многостороннего банка, который будет аккумулировать финансовые ресурсы европейских государств, позволяя им совместно занимать средства на международных рынках по более низким ставкам благодаря объединенному кредитному рейтингу. Такой подход позволит снизить фискальную нагрузку на отдельные страны, обеспечить долгосрочное и стабильное финансирование оборонных проектов и укрепить цепочки поставок. Банк не должен централизовывать решения по закупкам, сохраняя суверенитет государств в этой сфере, но возьмет на себя финансовые риски и упростит межгосударственное финансирование, стандартизируя процедуры и снижая регуляторные барьеры. Это позволит повысить эффективность и снизить издержки, а также поддержать малых поставщиков.

Банк сможет также способствовать обеспечению доступа к критически важным сырьевым ресурсам, необходимым для производства современных оборонных технологий, и координировать долгосрочные контракты на их поставку. Это особенно актуально на фоне уже существующих соглашений ЕС и Великобритании с Украиной по критическим материалам. Инициатива призвана укрепить стратегическую автономию Европы, снизить зависимость от внешних поставщиков и повысить устойчивость оборонной промышленности к экономическим шокам. Великобритания, обладая стабильной политической ситуацией и финансовым центром в Лондоне, имеет уникальные возможности для лидерства в создании и развитии подобной финансовой структуры, что позволит ей укрепить свое влияние в общеевропейской оборонной промышленности.

Королевский объединенный институт оборонных исследований
(Royal United Services Institute for Defence and Security Studies, RUSI)

Харм Каал (Harm Kaal), приглашенный исследователь. Преполагает политическую историю в Радбодском университете в Неймегене, Нидерланды. Направления исследований: восприятия и представления о демократии, гражданстве и политическом представительстве, которые проявляются в различных формах политической коммуникации

Флорис Ван Беркель Смит (Floris van Berckel Smit), приглашенный исследователь. Постдокторант в Радбодском университете. Имеет степень магистра в области государственного управления и степень магистра по политической истории. Исследования сосредоточены на прикладной истории и роли истории в государственной политике

14.05.2025. URL: <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/history-strategic-necessity-negotiations-russia>

Теги: #Россия #Украина #Западная Европа #Diplomacy

Материал посвящен важности анализа исторического опыта для взаимодействия с Россией и предсказания ее дальнейшего поведения. Авторы подчеркивают, что Россия не просто реагирует на современные вызовы, а действует в рамках исторически сложившихся нарративов и стратегий. В частности, с 2007–2008 гг. Россия, по мнению западных исследователей, активно продвигает идею «воссоединения славянских народов» и защиты этнических русских за рубежом, что служит оправданием ее внешнеполитических амбиций и военных действий, в том числе на Украине. Риторика Каала и Беркель Смита отсылает к внешнеполитическим концепциям России начала XX в., но никак не современности. Сложно представить, что Россия всерьез претендует на контроль над Болгарией, Польшей или Македонией в реальности.

Это историческое видение называется в статье инструментом политического воздействия и легитимации войны. Важно, чтобы дипломаты и политики учитывали этот нарратив при оценке российских требований и предложений на переговорах. Например, восприятие Украины как «враждебного нацистского государства» глубоко укоренилось в российском обществе через государственные СМИ, образование и культурные проекты, что существенно осложняет достижение долгосрочного мира.

Вторым ключевым инструментом выступает анализ исторических аналогий и прецедентов. Авторы приводят примеры из недавней истории России, показывающие, что дипломатия часто используется Москвой не как путь к миру, а как тактический прием для перегруппировки сил и подготовки к новым военным действиям. Так было в Чечне, где после временных перемирий возобновлялись боевые действия, и в Сирии, где объявленный в 2016 г. «вывод войск» фактически стал ротацией перед масштабной операцией против джихадистов. Подобная тактика проявилась и в минских соглашениях 2014–2015 гг., которые не привели к устойчивому миру и были предвестником «полномасштабного вторжения» в 2022 г. Это свидетельствует о том, что Россия использует переговоры для стратегического выигрыша времени и ослабления оппонентов. При этом авторы не дают понять, как перемирие поможет России, уступающей в экономическом и военном потенциале объединенной Европе (а тем более с поддержкой США), получить стратегическое преимущество над НАТО.

Третьим инструментом называется понимание позиции Украины, особенно в свете опыта 1994 г., когда она отказалась от ядерного оружия в обмен на гарантии безопасности (Будапештский меморандум). Этот опыт показал, что письменные соглашения не обеспечивают реальной защиты, что объясняет осторожность и настойчивость украинского руководства в требовании твердых гарантий безопасности на переговорах.

Авторы призывают интегрировать историческое мышление в процесс выработки дипломатического курса, а не рассматривать историю лишь как академическую дисциплину. Исторические инструменты должны стать частью подготовки новых дипломатов и политиков, особенно для стран, поддерживающих Украину и стремящихся к выработке единой стратегии против России.

Россия остается ключевой угрозой для европейской безопасности, и успешное урегулирование конфликта с ней требует стратегического подхода, в основе которого лежит историческое понимание ее мотивов и моделей поведения, считают авторы.

Королевский объединенный институт оборонных исследований
(Royal United Services Institute for Defence and Security Studies, RUSI)

Доктор Сидхарт Каушал (Dr Sidharth Kaushal), старший научный сотрудник RUSI

Эдвард Блэк (Edward Black), приглашенный автор. Офицер Королевского флота Великобритании. Был военным атташе в Мали и военным советником в Кении

14.04.2025. URL: <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/black-sea-significance-european-security>

Теги: #Россия #Украина #Турция #Великобритания #Military #Economic

Материал посвящен значению Черного моря для европейской безопасности с акцентом на стратегическую роль региона в контексте российско-украинского конфликта и более широких геополитических процессов.

Авторы подчеркивают, что долгосрочная кампания по сдерживанию России должна выходить за рамки сдерживания в Балтийском регионе и учитывать стратегическое влияние Черного моря на военное и экономическое положение России. За три года боевых действий выявились значительные ограничения российского Черноморского флота, который потерял около трети боевой мощи и был вынужден покинуть Севастополь под угрозой украинских ударов с применением высокоточного оружия западного производства и БЭК. Турция, применяя статью 19 Конвенции Монтрё, ограничила проход военных судов через Босфор и Дарданеллы, что существенно ограничило свободу действий как России, так и НАТО.

Авторы указывают на важность Черного моря в российской внешнеэкономической стратегии. Россия является вторым в мире экспортером нефти, и 22% ее поставок проходят через порты Черного моря. В 2024 году экспорт сельхозпродукции из России достиг 43 млрд долл., что вдвое превышает докризисный уровень экспорта вооружений, традиционно важного источника дохода для российского бюджета. Значительная часть экспорта зерновых также проходит через черноморские порты.

Авторы отмечают, что Россия заинтересована как в обеспечении экспорта собственной сельхозпродукции, так и в ограничении украинского экспорта, чтобы усилить контроль над ключевыми рынками сбыта в условиях санкций. В будущем, с ростом населения и изменением климата, значение сельскохозяйственного экспорта будет только расти, а Россия стремится диверсифицировать экономику, снижая зависимость от углеводородов. Это также имеет политическое значение для регионов с хронической продовольственной нестабильностью, таких как Ближний Восток и Северная Африка, где Россия может использовать продовольственную зависимость как рычаг влияния.

Черное море служит ключевой базой для проекции российской военно-морской мощи за пределы непосредственного региона. Исторически Черноморский флот был основой для экспедиционных соединений, таких как 5-я эскадра в Средиземном море. Несмотря на ограниченный состав флота, в основном корветы класса «Каракурт», он обладает значительным потенциалом по запуску крылатых ракет морского базирования. Черноморский флот обеспечивал логистику российской операции в Сирии, что позволило России создать ограниченную зону контроля в Восточном Средиземноморье.

Расширение российского влияния в Судане и Ливии увеличивает возможности для контроля ключевых морских путей в Средиземноморском регионе, что усложняет операции НАТО. Авторы считают, что в случае полномасштабного конфликта с НАТО Черноморский флот будет способен запускать до 80 дальнобойных крылатых ракет за один залп и, несмотря на уязвимость кораблей в зоне действия украинских противокорабельных систем и средств ПВО, российский флот сохраняет значительный ракетный потенциал.

Рост украинских возможностей по дальнобойным ударам и применению беспилотных систем создает дополнительное давление на Черноморский флот, снижая его эффективность и увеличивая риски для российских кораблей. Это требует от НАТО и Украины усиления противоминных и противолодочных возможностей.

Турция, контролируя проливы, играет ключевую роль в безопасности региона и ограничении военного присутствия сторон конфликта. Региональные флоты, в первую очередь румынский и болгарский, постепенно модернизируются, но главную роль в регионе сохраняет Турция, которая стремится выступать как «честный посредник», обладая значительным военно-морским потенциалом и контролем над стратегическими морскими узлами.

Черное море остается важнейшим театром стратегического соперничества между Россией, Украиной и НАТО. Регион имеет критическое значение для российских экономических интересов, особенно в сфере экспорта нефти и сельхозпродукции, а также служит базой для проекции силы России в Средиземноморье и Африке. Ограничения, накладываемые Конвенцией Монтрё, и действия Турции, а также рост украинских ударных возможностей формируют сложный баланс сил, в котором международное сотрудничество, противоминные операции и поддержка украинского флота играют ключевую роль в обеспечении безопасности и стабильности региона.

Резюмируя, Кушал и Блэк отмечают, что Черное море нельзя рассматривать как периферийный регион для европейской безопасности; напротив, его значение будет только расти в условиях продолжающегося конфликта и геополитической конкуренции.

Франция

Греция на перепутье: от падения Дамаска до первых месяцев администрации Трампа
(Greece at the crossroads: from the fall of Damascus to the first months of the Trump administration)

Средиземноморский фонд стратегических исследований
(Fondation Méditerranéenne d'Etudes Stratégiques, FMES)

Арис Маргелис (Aris Marghelis), младший научный сотрудник FMES

27.05.2025. URL: <https://fmes-france.org/en/greece-at-a-crossroads-from-the-fall-of-damascus-to-the-first-months-of-the-trump-administration/>

Теги: #Греция #Средиземноморье #Европа #Турция

В статье освещается ныне достаточно редкая для западных аналитических центров тематика – греко-турецкий баланс сил в Восточном Средиземноморье. Представляется, что для института FMES, базирующегося во Франции, она вызвала интерес в связи с актуальностью вопросов морской безопасности (которые формируют основу исследовательской повестки данного учреждения), а также тесных военно-политических связей Парижа с Афинами. В силу происхождения автор предсказуемо освещает выбранный сюжет только с греческой стороны, однако ему удастся сохранить объективность, признав неэффективность стратегии своей страны в последние годы и, соответственно, успехи Анкары. Другой сильной стороной текста выступает наличие рекомендаций – не во всем конкретных, но по крайней мере показывающих многообразие возможных внешнеполитических векторов для Греции, не сводящихся только к ЕС. По сравнению с мейнстримными экспертными оценками весьма смело смотрится предложение готовиться к постепенному восстановлению отношений с Россией.

На сегодняшний день внешняя политика Греции переживает непростой этап своего развития. Главным образом это связано с продолжающейся активностью в Большом Средиземноморье ее главного конкурента – Турции, успешно продолжающей ползучее «окружение» Афин. Негативное влияние на греческие интересы имели и последние события на Ближнем Востоке, а также более широкие тенденции в Европе и трансатлантических отношениях. Автор пытается разобраться, как внешнеполитическая и оборонная стратегия его страны пришла к своей нынешней ситуации и каким образом это возможно исправить.

Восстанавливая недавнюю хронологию событий, эксперт особо выделяет период 2019–2023 гг., когда Греция заняла проактивную позицию и благодаря ей тогда сдержала волну «турецкого экспансионизма». Она сумела заключить ряд оборонных соглашений (с Францией, Египтом, монархиями Залива), обратила на себя внимание Евросоюза и США и временно закрепились в роли «регулятора» европейско-турецких отношений. Следующий отрезок охарактеризовался условным примирением Афин и Анкары – двусторонней декларацией 2023 г. о дружеских отношениях и добрососедстве, которая, однако, на протяжении следующего года не была подкреплена реальными шагами. Греческое руководство проглядело настораживающие сигналы с другого берега Эгейского моря, говорящие о том, что Турция на самом деле не отказалась от наступательной линии. Анкара продолжила усиливаться за счет смены режима в Сирии и вероятного превращения этой страны в своего сателлита. В свою очередь, Д. Трамп ввел моду в международных отношениях на слом привычных табу и упрощенное восприятие сложных проблем, что очень созвучно стилю мышления турецкого руководства и в каком-то смысле еще больше развязывает тому руки.

По мнению А. Маргелиса, достойный отпор Греции в 2019–2023 гг. навел президента Р.Т. Эрдогана на мысль о том, что вместо открытого давления на Афины необходимо действовать тоньше. Во-первых, турецкая дипломатия стала искать общий язык с партнерами Греции, чтобы разрушить коалицию ее сторонников в Большом Средиземноморье, – с Саудовской Аравией, ОАЭ, Египтом. Заметна попытка несколько снизить градус напряжения в отношениях с Францией: по меньшей мере турецкий лидер перестал допускать личные выпады против Парижа, перепоручив эту миссию Азербайджану.

Во-вторых, Турция стремится нивелировать преимущество Афин в ВВС. Ей удалось продвинуться в вопросе о покупке истребителей Eurofighter, способных нести, как и Rafale на вооружении у Греции, ракеты METEOR. Есть контакты и с США по F-16 Block 70 и F-35. В-третьих, турецкий флот эффективно сдерживает греков от выхода за пределы территориальных вод. Это не позволяет противоположной стороне вести работу над инфраструктурными проектами, включая прокладку подводного кабеля Крит – Кипр – Израиль. В-четвертых, Анкара сумела разбить единый фронт поддержки Греции в Евросоюзе, разыграв козырную карту – партнерство в военно-технической сфере (с Польшей, Италией, Испанией, Португалией). Вся эта активность говорит об истинной цели Турции: под видом нормализации двусторонних отношений разными косвенными мерами добиться изоляции Греции, остаться с ней один на один и далее «захлопнуть ловушку».

По мнению Маргелиса, нарушить столь витиеватые планы восточного соседа Греция может с помощью нескольких мер. Так, вместо бездействия, которое будет худшим вариантом со всех точек зрения, стоит решительнее защищать свои права в Эгейском и Средиземном морях без постоянной оглядки на «примирение» 2023 г. На уровне ЕС необходимо добиваться, чтобы европейская оборонная интеграция не была посвящена целиком российско-украинской теме (что на руку Турции, поскольку оставляет ее ревизионистскую политику в тени более крупных событий на востоке Европы), а отвечала бы на более широкий спектр вызовов. Стоит создавать как можно больше препятствий для вовлечения Турции в европейский военно-политический и военно-технический ландшафт, подчеркивая несовместимость ее стратегии с общеевропейскими приоритетами. Важно добиться того, чтобы Греция тоже имела высокую ценность как военная держава в глазах своих западных союзников, чему может поспособствовать недавно принятый план модернизации вооруженных сил до 2036 г.

Также автор видит перспективу в налаживании связей за пределами Евросоюза. В этом отношении он выделяет прежде всего Вашингтон, несмотря на вышеупомянутый деструктив Трампа. Согласно Маргелису, для Греции было бы удачей, если бы у нее получилось сохранить политический формат «3 + 1» (совместный с Кипром, Израилем и как раз США), преподнести себя в качестве выгодного логистического и энергетического хаба, а также противовеса Турции, необходимого для американской стратегии в регионе. Другим вариантом было бы сыграть на турецко-израильских противоречиях, тем более что Тель-Авив уже является ключевым партнером в развертывании программы ПВО «Щит Ахиллеса».

Наконец, нельзя полностью исключать и восстановление отношений с Россией. По мнению эксперта, Афинам рано или поздно придется признать, что греческие общины в северном Причерноморье теперь будут жить в составе России, а не Украины, и обсуждение их положения (в культурно-гуманитарном аспекте) могло бы стать основой для возрождения диалога. Гипотетическое возвращение Крыма под контроль Киева привело бы к активному проникновению Турции на полуостров, что для греческих интересов еще хуже, чем сценарий, воплотившийся в 2014 г.

Китай

Новая стратегия национальной безопасности и направление политики безопасности Японии (新国家安保战略与日本安全政策的走向)

Институт международных и стратегических исследований Пекинского университета
(北京大学国际战略研究院)

Чжан Юнь (张云), доцент факультета международных отношений Университета Ниигата (Япония), старший приглашенный исследователь Свободного университета Берлина

02.04.2025. URL: <https://www.iiss.pku.edu.cn/info/1361/5570.htm>

Теги: #Япония #Национальная безопасность #Оборона
#Политика безопасности #Китай #США #Япония

Статья представляет собой анализ фундаментального сдвига в политике безопасности Японии, выраженного в новых стратегических документах в области безопасности, принятых в конце 2022 г. Автор определяет их как переломный момент, знаменующий отход от традиционных послевоенных ограничений. Наиболее значимым изменением автор считает официальное определение Китая как «величайшего стратегического вызова». В статье подробно разбираются причины такого ужесточения позиции Токио. Автор выделяет как внутренние факторы (кризис идентичности после экономического рывка Китая, политическое наследие Синдзо Абэ), так и внешние (давление со стороны США), при этом тонко подмечая, что Япония порой действует на опережение, занимая даже более жесткую позицию, чем Вашингтон. В то же время важно принять во внимание анализ «скрытых сдерживающих факторов», которые могут затормозить процесс ремилитаризации Японии. Автор рассматривает три таких ограничителя: сложное общественное мнение (пацифизм и нежелание платить за гонку вооружений), изолированность фигуры императора от армии и политики, а также сам американо-японский альянс, который для США является не только инструментом давления, но и «поводком» для удержания Японии в рамках контролируемой автономии.

Исторический сдвиг в политике безопасности

В декабре 2022 г. правительство Японии опубликовало три обновленных документа в сфере безопасности: «Стратегию национальной безопасности», «Стратегию национальной обороны» и «План наращивания оборонного потенциала». Этот пересмотр знаменует собой исторический сдвиг в послевоенной политике страны. Ключевыми изменениями стали официальное определение Китая как «величайшего стратегического вызова, с которым Япония когда-либо сталкивалась», намерение обладать «контрударным потенциалом» и решение увеличить оборонные расходы до 2% от ВВП. Эти шаги, означающие отход от традиционной оборонительной доктрины, вызывают серьезную обеспокоенность в странах Азии, учитывая историческое прошлое Японии.

Причины ужесточения позиции Японии

Автор статьи выделяет несколько глубинных причин, которые привели к ужесточению позиции Токио. Фундаментальной внутренней причиной является изменение самовосприятия Японии на фоне новых реалий в международном порядке. Экономический рост Китая, обогнавшего Японию в 2010 г. по размеру экономики, нанес удар по национальному самосознанию японцев. На этом фоне обострение территориального спора вокруг островов Сенкаку (Дяоюйдао) привело к актуализации вопросов безопасности.

Важным драйвером также выступает внутриполитическая динамика. Жесткая риторика в отношении Китая стала в Японии элементом «политической корректности». После смерти Синдзо Абэ его преемникам для получения поддержки его влиятельной фракции необходимо демонстрировать верность его наследию. В то же время партия «Комэйто», младший партнер по правящей коалиции, традиционно игравшая роль «тормоза» в вопросах безопасности, была вынуждена ослабить свою позицию под давлением политической риторики, связанной с украинским кризисом и возможным «конфликтом на Тайване».

Скрытые сдерживающие факторы

Несмотря на существующую опасность того, что политика безопасности Японии «выйдет из-под контроля», особенно при поощрении со стороны США, автор выделяет три «скрытых сдерживающих фактора», которые могут затормозить этот процесс.

Первым и главным ограничителем является состояние японского общества. Хотя более половины населения поддерживает увеличение оборонных расходов, подавляющее большинство выступает против повышения налогов или выпуска государственных займов для их финансирования. Глубоко укоренившийся в обществе пацифизм не исчез: главной ролью сил самообороны граждане по-прежнему считают ликвидацию последствий стихийных бедствий, а радикально-консервативные политики не пользуются широкой поддержкой у избирателей.

Вторым фактором является особое положение императора в послевоенной политической системе. Конституция отделяет императора от политики и армии; он не участвует в военных церемониях и не посещает военные базы, что лишает политику безопасности символической легитимации, которая была характерна для довоенного периода.

Третий ограничитель – сам американо-японский альянс, который является «палкой о двух концах». С одной стороны, США требуют от Японии увеличения ее вклада в общую оборону, но с другой – стремятся удерживать развитие японской автономии на «коротком поводке». Желание Токио обладать «контрударным потенциалом» – это заявка на большую стратегическую самостоятельность и изменение модели, где США были «копьем», а Япония – «щитом». В ответ Вашингтон продвигает концепцию «интегрированного сдерживания», которая нацелена на еще более тесную интеграцию сил самообороны Японии в американскую систему командования и управления, что лишь усиливает контроль США над альянсом.

По мнению автора статьи, азиатские страны, в том числе Китай, должны сохранять высокую бдительность в отношении новых тенденций в политике безопасности Японии. Он призывает как к решительному противостоянию вызывающим беспокойство шагам, так и к проявлению осмотрительности в своей реакции.

АСЕАН расширяет дипломатические возможности для ответа на внутреннее и внешнее давление (东盟增加外交选项应对内外压力)

Global Times

(环球时报)

Тан Цифан (唐奇芳), младший научный сотрудник Института международных стратегий Китайской академии международных исследований

03.06.2025. URL: <https://www.nanhai.org.cn/info-detail/26/16564.html>

Теги: #АСЕАН #Стратегическая автономия #Геополитика #США #Китай #Минилатерализм

В статье представлен китайский взгляд на стратегию АСЕАН в условиях обостряющегося американо-китайского соперничества. Автор анализирует внешнее давление на организацию, в первую очередь со стороны США, которое проявляется в попытках заставить страны региона «выбрать сторону» и в создании малых многосторонних механизмов («минилатерализм»), подрывающих центральную роль АСЕАН в межстрановом взаимодействии в ЮВА. Ответная стратегия АСЕАН описывается как «тройная страховка», включающая в себя укрепление внутреннего единства, сохранение нейтральной позиции в конфликтных ситуациях и расширение сотрудничества с широким пулом региональных игроков. В каком-то смысле стратегия демонстрирует потенциал АСЕАН как гибкого актора, который в перспективе будет придерживаться «стратегической автономии» в условиях нарастающей глобальной конфликтогенности.

На фоне глобальной геополитической нестабильности АСЕАН сталкивается с серьезными вызовами, в первую очередь исходящими от политики США. Соединенные Штаты, руководствуясь целями сдерживания Китая, оказывают давление на страны ассоциации, вынуждая их «выбрать сторону» в американо-китайском противостоянии, чего АСЕАН всегда стремилась избежать. Автор отмечает, что для США отношения с АСЕАН носят во многом транзакционный характер и попадание в американскую стратегическую орбиту грозит ассоциации потерей независимости и превращением в «стратегическое пушечное мясо».

Кроме того, подрывается центральная роль АСЕАН в региональных делах. США активно создают и развивают малые многосторонние механизмы безопасности («минилатерализм»), которые действуют в обход площадок АСЕАН и ослабляют ее позиции. Поддержка Вашингтоном отдельных союзников, таких как Филиппины, ведет к тому, что их внешняя политика все больше отходит от общей позиции АСЕАН, создавая риски для единства ассоциации.

В ответ на эти вызовы АСЕАН реализует комплексную стратегию, названную в статье «тройной страховкой», для сохранения своей автономии.

Первый элемент – укрепление внутреннего единства и устойчивости. Страны – члены АСЕАН осознают риски и работают над сплочением, что проявляется в повестке саммитов, продвижении процедуры вступления Восточного Тимора и разработке долгосрочной стратегии «Видение сообщества АСЕАН 2045».

Второй элемент – решительный отказ от «выбора стороны». Принцип неприсоединения является основой автономии АСЕАН. Высокопоставленные представители стран-членов, в частности Сингапура и Малайзии, публично заявляют, что региону не нужно выбирать сторону или участвовать в блоковой политике. На практике это выражается в гибкой политике: страны АСЕАН поддерживают тесное экономическое сотрудничество с Китаем и одновременно положительно реагируют на экономические инициативы США.

Третий элемент – расширение дипломатического пространства и поиск «третьих» партнеров. Чтобы компенсировать давление со стороны США и Китая, АСЕАН активно диверсифицирует свои внешние связи. Углубляется сотрудничество с другими диалоговыми партнерами: отношения с Японией, Австралией, Индией и Южной Кореей были повышены до уровня всеобъемлющего стратегического партнерства. Активно развиваются новые связи, ярким примером чего является сближение с Европейским союзом (стратегическое партнерство с 2020 г.) и странами Персидского залива (первый саммит АСЕАН – Китай – ССАГПЗ).

Основываясь на трех пунктах, отвечать на новую расстановку сил США в Азиатско-Тихоокеанском регионе

(张家栋: 立足三点, 应对美国亚太新布局)

Global Times
(环球时报)

Чжан Цзядун (张家栋), профессор Центра американских исследований Фуданьского университета

09.06.2025. URL: <https://www.nanhai.org.cn/info-detail/26/16586.html>

Теги: #США #АТР #Индо-Тихоокеанский регион #Стратегия #Китай #Геополитика

Статья представляет собой аналитический разбор обновленной стратегии США в АТР в условиях работы новой администрации Трампа. Автор утверждает, что, вопреки первоначальным впечатлениям о смещении фокуса на Европу и Ближний Восток, Вашингтон, наоборот, усиливает и конкретизирует свою политику в АТР. Ценность статьи заключается в четкой структуризации нового американского подхода по трем направлениям: сохранение фокуса на АТР, страновой фокус в вопросах безопасности (Китай) и тематический фокус в регионе (военная сила). Автор не только описывает контуры новой стратегии, но и отмечает некоторые слабые места, указывая на относительное снижение американской мощи и растущее недоверие со стороны региональных союзников, чьи экономические интересы страдают от торговых войн США. Рекомендации автора отражают характерные для китайской политики нарративы с фокусом на взвешенный подход, основанный на стратегическом спокойствии, глубоком понимании сложной позиции стран региона и необходимости поддерживать диалог с самими США для предотвращения просчетов.

Недавние заявления высокопоставленных американских военных, включая главу Транспортного командования США Рэнделла Рида и министра обороны Пита Хэгсета, свидетельствуют о неослабевающем и даже возрастающем внимании Вашингтона к Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР). Вопреки первоначальному мнению о том, что администрация Трампа сосредоточится на Европе и Ближнем Востоке, США, напротив, детализируют свою «Индо-Тихоокеанскую стратегию».

В статье выделяются три ключевые особенности текущей «стратегической риторики» США в АТР.

1. Географический фокус на АТР. США не намерены покидать «первую островную цепь» и отказываться от своих обязательств перед союзниками. Более того, возможно даже увеличение их вклада в региональную безопасность.

2. Целевой фокус на Китае. В отличие от предыдущей администрации, которая ставила Китай в один ряд с другими «ревизионистскими государствами», нынешняя администрация рассматривает Китай как главную и «неотложную» угрозу, а Россию и Северную Корею – как второстепенные или отдельные вызовы.

3. Тематический фокус на военных вопросах. Акцент сместился с общей концепции «интегрированной безопасности» на более конкретную «коллективную оборону». Это подразумевает, что союзники должны нести больше военной ответственности, а главным инструментом становятся совместные учения и военное сдерживание.

Несмотря на это, США сталкиваются с серьезными вызовами при реализации своей стратегии. Во-первых, это относительное снижение американской мощи: военное преимущество над Китаем сокращается, а необходимость распределять ресурсы между несколькими театрами военных действий (Европа, Ближний Восток, АТР) создает дополнительное давление, особенно в условиях дебатов вокруг бюджетных расходов. Во-вторых, это недоверие со стороны союзников: протекционистская торговая политика США и таможенные войны объективно ведут к экономическому «отдалению» от региона, что противоречит риторике о сближении в сфере безопасности и подрывает веру союзников в надежность американских обязательств.

В ответ на новую расстановку сил в АТР автор предлагает Китаю придерживаться трех подходов. Во-первых, сохранять спокойствие: резкую риторику американских «ястребов» следует воспринимать не как признак силы, а как проявление их «нетерпения и беспокойства». Отвечать на это нужно со стратегической уверенностью и выдержкой. Во-вторых, понимать непростое положение стран региона. Страны Юго-Восточной Азии обеспокоены американо-китайским соперничеством, но одновременно заинтересованы в выстраивании отношений с Китаем. Поэтому они будут стремиться к поддержанию динамического баланса между двумя державами. Китаю следует с пониманием относиться к этой позиции и углублять сотрудничество с ними. В-третьих, продолжать активный диалог с США, поскольку стратегический просчет может иметь катастрофические последствия для всех сторон. Поддержание эффективных каналов коммуникации с Вашингтоном необходимо для обеспечения региональной безопасности и стабильности.

От Байдена к Трампу 2.0: стратегическая динамика и перспективы трехстороннего механизма США – Япония – Филиппины

(从拜登到特朗普2.0:美日菲小三边机制的战略动向与前景)

Национальный институт международной стратегии Китайской академии социальных наук

(中国社会科学院亚太与全球战略研究院)

Цао Сяоян (曹筱阳), научный сотрудник Национального института международной стратегии Китайской академии социальных наук

Май 2025 г. URL: <http://niis.cass.cn/xscgnew/xslwnew/202505/P020250530403960743433.pdf>

Теги: #США #Япония #Филиппины #Индо-Тихоокеанский регион
#Безопасность #Китай #Трамп

Статья представляет собой комплексный анализ формирования и стратегических целей трехстороннего механизма сотрудничества США – Япония – Филиппины. Автор рассматривает этот формат не как ситуативный, а как целенаправленно создаваемую «квазисоюзническую» структуру, являющуюся ключевым элементом «Индо-Тихоокеанской стратегии» США по сдерживанию Китая. В этой связи данный формат также можно рассматривать как часть более крупной «сетевой» союзнической архитектуры США, включающей QUAD, AUKUS и трехстороннее партнерство США – Япония – Южная Корея. В условиях возвращения на президентский пост Д. Трампа сотрудничество в рамках данного формата, вероятнее всего, продолжится, хотя отдельные экономические проекты (например, «Лусонский экономический коридор») столкнутся с неопределенностью. В целом статья отражает китайскую обеспокоенность усилением блокового противостояния в регионе, которое, по мнению автора, подрывает центральную роль АСЕАН и угрожает миру и стабильности.

Формирование «квазиальянса»

В последние годы трехстороннее сотрудничество между США, Японией и Филиппинами (USJP) ускорило свое развитие в направлении «квазиальянса», став одним из важнейших элементов «Индо-Тихоокеанской стратегии» США. Этот механизм, ориентированный на морскую безопасность и сфокусированный на проблемах Южно-Китайского моря и Тайваньского пролива, является примером тонкой настройки американской системы союзов в Азии. Он тесно переплетается с другими малыми многосторонними форматами, такими как QUAD и AUKUS, усиливая стратегическое давление на Китай и повышая риски блокового противостояния в регионе.

Развитие сотрудничества: от обороны до экономики

Под руководством администрации Дж. Байдена механизм прошел стремительный путь от первых диалогов в 2022 г. до саммита лидеров в апреле 2024 г. Центральным направлением стало сотрудничество в области обороны. Были запущены трехсторонний морской диалог, совместные учения и патрулирование, а также активизирована помощь в модернизации вооруженных сил Филиппин. В частности, Япония поставляет прибрежные радары и патрульные суда, а США получили расширенный доступ к девяти филиппинским военным базам в рамках Соглашения о расширенном оборонном сотрудничестве (EDCA). Ключевым шагом стало развертывание американского ракетного комплекса «Тифон» на филиппинском острове Лусон в апреле 2024 г., что было расценено как событие, «меняющее правила игры» в регионе.

Параллельно стороны углубляют экономическое и технологическое взаимодействие. Основные усилия направлены на создание «Лусонского экономического коридора» для развития инфраструктуры, а также на сотрудничество в сферах критически важных минералов (в частности, никеля), чистой энергетики и производства полупроводников с целью снижения зависимости от Китая.

Стратегические цели и движущие силы

Формирование этого механизма обусловлено сближением стратегических интересов трех стран. Главной движущей силой является стремление США сформировать выгодное для себя международное окружение Китая и укрепить свои стратегические позиции. В Стратегии национальной безопасности США Китай назван «единственным конкурентом, который имеет как намерение, так и возможности для изменения международного порядка». В этой логике Филиппины рассматриваются как ключевое «прифронтовое государство» на «первой цепи островов», играющее важную роль в потенциальных конфликтах в Южно-Китайском море и Тайваньском проливе.

Для Филиппин при президенте Фердинанде Маркосе-младшем сотрудничество с США и Японией является способом противостоять Китаю в Южно-Китайском море и получить ресурсы для военной модернизации и экономического развития. Япония, в свою очередь, активно участвует в американской стратегии, поскольку это позволяет ей расширить собственное влияние в Юго-Восточной Азии и ускорить процесс «нормализации» своего статуса как полноценной военной державы.

Рост напряженности и подрыв роли АСЕАН

По мнению автора, данный механизм ведет к обострению ситуации в регионе, способствуя созданию «связки трех морей» (Восточно-Китайского, Южно-Китайского и Тайваньского пролива) и повышая риски военного противостояния. Кроме того, он подрывает центральную роль АСЕАН в архитектуре региональной безопасности, поскольку создается в обход существующих площадок ассоциации, внося раскол между ее участниками. Продвижение идеи «декитаизации» цепочек поставок и политизация экономических вопросов также мешают процессам региональной экономической интеграции.

Перспективы при администрации Трампа 2.0

Возвращение Д. Трампа в Белый дом, по мнению автора, не повлияет на трехсторонний механизм, но его работа будет скорректирована. Поскольку внешнеполитическая команда Трампа, вероятнее всего, и дальше будет придерживаться жесткой линии в отношении Китая, сотрудничество в сфере безопасности продолжится и даже углубится. Однако крупные экономические проекты, такие как «Лу-сонский экономический коридор», могут столкнуться с неопределенностью. Администрация Трампа с ее лозунгом «Америка прежде всего» не готова финансировать долгосрочные и медленно окупаемые зарубежные инфраструктурные проекты.

Гу Шувэнь (古树文) и **Пэн Чуньлинь** (王世文), специальные корреспонденты

06.06.2025. URL: http://www.81.cn/yw_208727/16390781.html

Теги: #Китай #Командование и контроль #Military

Представленный текст следует рассматривать в контексте эволюции стратегического мышления Китая, которое все более явно смещается к великодержавной политике, предполагающей наличие вооруженных сил «мирового класса». В словах Си Цзиньпина, на основе которых составлен данный материал, акценты расставлены предельно ясно: речь идет не о символической поддержке армии, а о всесторонней институциональной интеграции вооруженных сил в национальную стратегию развития. Подчеркивается, что армия – это не вспомогательный механизм, а один из столпов, на которых зиждется «возрождение китайской нации». Политика военно-гражданской интеграции КНР в этом контексте выполняет двойную функцию: во-первых, она мобилизует ресурсы на ключевые направления военной трансформации, включая ИИ, квантовые технологии и информационную безопасность; во-вторых, формирует внутри страны легитимность и поддержку общенационального курса. Подобное переплетение патриотической риторики с технологическим форсайтом делает очевидным то, что Пекин уже выстраивает системный потенциал для лидерства в военной сфере на глобальном уровне.

Объединение усилий армии и народа остается краеугольным камнем устойчивого развития Китая. В недавнем выступлении председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул необходимость дальнейшего укрепления военной и гражданской сплоченности как одного из ключевых условий успешного продвижения к целям укрепления государства и вооруженных сил.

Единство армии и народа стало решающим фактором в борьбе за национальную независимость в XX в. Победы в революционных войнах и кампаниях, таких как Хуайхайская операция, стали возможны благодаря мобилизации широких народных масс и их поддержке армии. Это единство демонстрировало свою силу и в более поздние периоды – от модернизации до стихийных бедствий.

В эпоху реформ и открытости военные формировали критически важную поддержку инфраструктурного развития. От строительства Шэньчжэня до борьбы с последствиями наводнений и землетрясений армия активно участвовала в создании устойчивого фундамента для совместного развития экономики и обороны.

На современном этапе цель заключается в построении сильной армии мирового уровня. Для этого органы власти и общественность должны объединиться в поддержке военной реформы, обеспечении надежного тыла для военных, решении социальных вопросов военнослужащих и их семей.

По словам Си, поддержка армии – это не только политическая обязанность, но и функциональная необходимость. В условиях новой войны, разворачивающейся одновременно в физических, информационных и когнитивных пространствах, важно создать эффективный механизм координации между армией и гражданскими структурами, а также трансформировать технологические достижения (ИИ, блокчейн, биотехнологии и др.) в реальную боевую мощь.

Проблемы, связанные с обеспечением социальных гарантий военнослужащих, напрямую влияют на мораль и боеготовность армии. Необходима реализация комплексной политики поддержки, особенно для тех, кто несет службу в отдаленных и трудных районах.

Важно формировать устойчивую общественную атмосферу, в которой военная служба будет восприниматься как достойный выбор. Через массовое участие в патриотических инициативах и образование в области национальной обороны необходимо укреплять идею единства армии и народа как общенациональную ценность.

Одновременно армия должна активно участвовать в поддержке местных инициатив и развитии. Исторически ее сила заключалась в служении интересам народа. Сегодня этот принцип находит выражение в участии в спасательных операциях, борьбе с бедностью и содействии социальному развитию в регионах.

Сохраняя традицию «армия с народом – как рыба с водой», важно превратить идею двусторонней поддержки в конкретные действия. Это включает в себя как участие армии в национальных программах развития, так и институционализацию общественной поддержки обороны.

Таким образом, укрепление военной и гражданской солидарности рассматривается Китаем как неотъемлемая часть комплексного укрепления государства. Реализация этой задачи требует системного подхода, сопрягающего развитие экономики и национальной обороны, а также сохранения политической и моральной связи между армией и обществом.

Вызовы для китайской военной стратегии «ниже порога конфликта» в «ближних морях» (Challenges to China's 'Below the Threshold' Military Strategy in Its Near Seas)

Observer Research Foundation (ORF)

Атул Кумар (Atul Kumar), научный сотрудник программы стратегических исследований ORF

07.04.2025. URL: <https://www.orfonline.org/research/challenges-to-china-s-below-the-threshold-military-strategy-in-its-near-seas>

Теги: #Китай #Серая зона #Ниже порога #Военная стратегия
#Южно-Китайское море #Тайвань #Филиппины

В данной аналитической работе представлен разбор китайской стратегии действий «ниже порога конфликта» (below the threshold), также известной как тактика «серой зоны». Автор определяет эту стратегию как совокупность враждебных операций, которые достаточно серьезны, чтобы их нельзя было игнорировать, но недостаточно провокационны, чтобы вызвать полномасштабный военный ответ. Хотя эта стратегия позволила Китаю добиться постепенных успехов в изменении статус-кво в близлежащих акваториях, она имеет существенные ограничения, связанные с растущим противодействием со стороны региональных игроков в условиях их поддержки со стороны США.

Суть стратегии «ниже порога конфликта»

В статье рассматривается стратегия вооруженного принуждения, которую Китай постоянно применяет против своих соседей в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Эта стратегия определяется как действия «ниже порога» полномасштабной войны – подвид «войн в серой зоне».

Она представляет собой затяжную кампанию давления с использованием настойчивых действий береговой охраны Китая (CCG), военно-морских сил и авиации. Цель состоит в том, чтобы измотать более слабых противников и со временем сделать их сопротивление бессмысленным, реализуя древний принцип «победы без сражения».

Для повышения эффективности в 2013 г. Пекин консолидировал свои морские правоохранительные органы в единую береговую охрану, а в 2018 г. передал ее под управление Народной вооруженной полиции, находящейся в ведении Центрального военного совета КНР, что значительно расширило ее полномочия. Однако у этой стратегии есть пределы: ее эффективность падает, если более малые государства отвечают на давление наращиванием собственного потенциала или объединением с внешними крупными державами.

Кейс 1: Тайвань

В отношении Тайваня Китай применяет тактику частых и масштабных военных учений, таких как «Объединенный меч 2024-В» в октябре 2024 г., в которых было задействовано около 125 самолетов и 34 корабля НОАК. Эти маневры, часто подаваемые как «наказание» за заявления тайваньских лидеров, используются для оказания психологического давления и создания «новой нормы» военного присутствия в Тайваньском проливе. При этом Китай избегает прямого конфликта, используя учения для пропаганды и демонстрации силы.

Несмотря на это, Тайвань демонстрирует значительную устойчивость. В отличие от кризиса 1995–1996 гг. его фондовый рынок почти не отреагировал на учения 2024 г. Уверенность тайваньского общества подкрепляется десятилетиями подготовки к обороне, международной поддержкой и опытом конфликта на Украине. По мнению автора, осторожность Китая в вопросах эскалации объясняется несколькими факторами: сдерживающим присутствием сил США в регионе, растущей обороноспособностью самого Тайваня и внутренними проблемами в НОАК, в частности масштабными антикоррупционными чистками, которые снизили уверенность Си Цзиньпина в высшем командовании армии.

Кейс 2: Филиппины

Конфронтация Китая с Филиппинами обострилась в 2010-х гг. В 2012 г. Китай занял риф Скарборо и применил так называемую «капустную стратегию», окружая спорные объекты несколькими слоями своих судов (рыболовецких, административных, береговой охраны), чтобы изолировать их. В ответ Филиппины подали иск против Китая в Постоянную палату третейского суда в рамках UNCLOS и выиграли его в 2016 г.

При нынешнем президенте Фердинанде Маркосе-младшем Филиппины заняли более жесткую проамериканскую позицию. Они не только укрепили свой союз с США, но и начали активно модернизировать собственные вооруженные силы. В частности, Манила провела ремонт и укрепление своего аванпоста на отмели Аюнгин (корабль BRP Sierra Madre) и закупила современное вооружение, включая 12 легких истребителей FA-50 из Южной Кореи и сверхзвуковые противокорабельные ракеты «БраМос» у Индии. Развертывание этих ракет позволит Филиппинам контролировать акваторию от Тайваньского пролива до островов Спратли, что является сдерживающим фактором для Китая.

Региональная реакция и выводы

Действия Китая в «ближних морях» определили реакцию со стороны региональных игроков. Такие страны, как Филиппины, Южная Корея, Малайзия и Вьетнам, укрепляют свои силы береговой охраны и военно-морские флоты. Кроме того, наблюдается рост числа «минилатеральных» форматов – многосторонних объединений малых и средних государств для возможного противодействия усилиям Китая. Автор заключает, что, несмотря на возросшие военные возможности, Китай предпочитает действовать «ниже порога конфликта», так как полномасштабная война поставит под угрозу уже достигнутые им результаты политики в АТР и неизбежно вызовет вмешательство США. Таким образом, если ситуация в регионе кардинально не изменится, вероятность прямого военного конфликта Китая с Тайванем или Филиппинами остается низкой.

Асанский институт политических исследований
(The Asan Institute for Policy Studies)

Ким Сэ Ми (Kim Saeme), научный сотрудник Центра региональных исследований

29.05.2025. URL: <https://en.asaninst.org/contents/europes-shifting-security-landscape-and-implications-for-south-korea/>

Теги: #Корея #Россия #США #Military

В последние три года, при администрации президента Юн Сок Ёля, Республика Корея укрепляла отношения с НАТО – это отвечало как политическим, так и экономическим интересам Сеула. Однако со сменой главы государства после 3 июня 2025 г. встает вопрос: какой будет внешняя политика Республики Кореи на европейском направлении? Принимая во внимание тот факт, что президент Ли Джэ Мён ранее уже подтверждал приверженность курсу по продвижению южнокорейских вооружений на мировой рынок, вряд ли Республика Корея откажется от сотрудничества с НАТО в среднесрочной перспективе. Во многом внешнеполитический курс Южной Кореи на европейском и восточном направлениях будет зависеть от того, удастся ли президенту Ли Джэ Мёну найти общий язык с Д. Трампом.

Позиция второй администрации Д. Трампа в отношении Европы выдвинула на передний план давние дебаты о способности Европы взять на себя большую ответственность за собственную безопасность и оборону. Центральным местом в дебатах является вопрос о надежности обязательств Соединенных Штатов по обеспечению безопасности в рамках договора НАТО. Европейский опыт в вопросах обеспечения национальной безопасности может стать серьезным уроком для Южной Кореи и ее собственных внешнеполитических интересов.

Европа, застигнутая врасплох

Хотя разговоры о стратегической автономии Европы продолжались с момента окончания холодной войны, им часто не хватало устойчивого политического импульса. Присоединение Крыма Россией в 2014 г. придало дискуссии ощущение срочности, но принятие существенных мер было отложено до февраля 2022 г.

Влияние дивидендов мира на европейское управление и разделенную позицию безопасности

Неподготовленность Европы к обоим событиям была обусловлена чувством самоуспокоенности, которое укоренилось во многих европейских странах в эпоху после окончания холодной войны. С распадом Советского Союза европейские страны наслаждались экономическими выгодами, ставшими возможными благодаря резкому сокращению расходов на оборону. Например, Германия значительно сократила свои военные расходы – с 2,52% ВВП в 1990 г. до 1,12% в 2015 г. США также уменьшили расходы на оборону в этот период, но сокращения были более умеренными по масштабу и кратковременными. После террористических актов 11 сентября 2001 г. военные расходы США вновь возросли, поскольку они начали войну с терроризмом.

Этот так называемый дивиденд мира, ставший возможным благодаря сокращению расходов на оборону, оказал двоякое влияние на Европу как регион, укрепив технократическую роль Европейского союза. Во-первых, устранив угрозу обычной войны, Европа начала фокусироваться на экономической, правовой и институциональной интеграции, которой занимались технократы и эксперты. Хотя Европа и США заметно расширили свое сотрудничество на глобальном уровне, США все больше недовольны тем, что Европа недостаточно инвестирует в оборону. Во-вторых, мирные дивиденды создали пространство для более широкого спектра точек зрения относительно роли НАТО и того, как альянс должен реагировать на отход второй администрации Трампа от европейской безопасности.

Варианты действий второй администрации Трампа в отношении НАТО

Пренебрежительное отношение администрации Трампа к Европе уже нанесло ущерб авторитету НАТО. Еще будучи кандидатом на президентских выборах 2016 г., Трамп описал НАТО как «устаревшую организацию» и раскритиковал стоимость участия для США. Хотя жесткая риторика была смягчена в течение его первого срока, Трамп последовательно утверждал, что члены НАТО не тратят достаточно денег на безопасность региона. Даже с ростом расходов на оборону многих членов НАТО с 2022 г. Трамп заявил в начале 2025 г., что 2%-ный показатель расходов на оборону следует повысить до 5% от ВВП.

Существуют инструменты, препятствующие выходу США из НАТО, например, Закон о национальной обороне за 2024 финансовый год (NDAA) включает положение 26, которое ограничивает решение президента США о выходе из НАТО без одобрения сената или отдельного акта конгресса.

Однако, по мнению автора, США могут уменьшить свою роль в Европе, переложив задачу по сдерживанию России на плечи союзников по НАТО. Вашингтон же сосредоточит свои силы в Индо-Тихоокеанском регионе, поскольку для США Китай, а не Россия все чаще воспринимается как главная угроза для национальной безопасности.

Последствия и политические рекомендации для Южной Кореи

Недавние события в Европе имеют существенные последствия для архитектуры международной безопасности. Во-первых, независимо от того, готова Европа или нет, она переживает фундаментальный сдвиг в своем стратегическом ландшафте. Опыт Европы в области коллективной безопасности служит предостережением для других регионов, подчеркивая опасности самоуспокоенности и чрезмерного расширения.

Во-вторых, Южная Корея должна диверсифицировать стратегическое партнерство с Европой и НАТО – не для того чтобы застраховаться от США, а чтобы дополнить альянс и способствовать коллективному распределению бремени. В этом есть несколько компонентов: параллели между Южной Кореей и несколькими европейскими членами НАТО выявляют общие структурные уязвимости в рамках более широкой системы альянса под руководством США. По мнению автора аналитического материала, оба региона сталкиваются с ближайшими и ревизионистскими противниками – Северной Кореей в случае Южной Кореи и Россией в случае Европы – и оба по-прежнему в значительной степени зависят от расширенного сдерживания США для своей национальной безопасности. Эта зависимость обнажает схожие риски, вытекающие из сдвигов в Вашингтоне, в частности непредсказуемость, связанную с «трампизмом».

Если «трампизм» станет прочной чертой политики США, традиционные структуры альянса могут разрушиться, заставив союзников пересмотреть давние предположения о надежности США. Южная Корея хорошо подготовлена к ответу на эти изменения, используя свои сильные стороны, например, в области оборонных технологий и промышленности. Поддерживая консолидацию с НАТО, Южная Корея может играть конструктивную роль в укреплении глобальных структур альянса. Более дееспособное НАТО также косвенно вносит вклад в собственную среду безопасности Южной Кореи, поддерживая нормы сдерживания и солидарности альянса во взаимосвязанном глобальном порядке безопасности. Тесное сотрудничество между Южной Кореей и НАТО необходимо для содействия более широкой трансрегиональной стабильности.

США

От станка до фронта (From Production Lines to Front Lines)

Центр новой американской безопасности
(Center for a New American Security, CNAS)

Бекка Вассер (Becca Wasser), старший научный сотрудник и заместитель директора Оборонной программы

Филип Ширс (Philip Sheers), научный ассистент Оборонной программы

03.04.2025. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/from-production-lines-to-front-lines>

Теги: #Корея #Россия #США #Economic

Доклад Центра новой американской безопасности представляет комплексное исследование проблем и перспектив, с которыми сталкивается оборонная промышленность США. В американском экспертном сообществе активно идет поиск решений для накопившихся за предыдущие годы проблем и противоречий в ОПК. Эксперты CNAS также предлагают свой вариант укрепления оборонно-промышленной базы США. Сильная сторона доклада – часть с описанием существующих сложностей в оборонной промышленности США, представлена качественная и информативная статистика. В части рекомендаций авторы перечислили ключевые идеи, реализация которых потребует не только значительных финансовых затрат и времени, но и новых решений на самом высоком уровне. Главными угрозами в предстоящих конфликтах для США, как и годами ранее, выступают Китай и Россия. Кроме того, авторы материала отмечают превосходство российской и китайской оборонной промышленности над американским ОПК.

Представленный доклад Центра новой американской безопасности посвящен проблемам в оборонной промышленности США и возможным решениям, направленным на возрождение военной мощи страны. По мнению авторов, без существенных реформ оборонно-промышленная база (DIB) рискует оказаться не способной обеспечить нужды ВС США для сдерживания агрессии Китая и России уже сегодня и тем более гарантировать победу в будущих конфликтах великих держав завтра.

Несмотря на возросшее значение ОПК для экономики и национальной безопасности США, оборонно-промышленная база постоянно сталкивается с проблемами. Десятилетия консолидации оборонной промышленности, непоследовательные требования правительства и бюрократия сделали американскую DIB более уязвимой к современным вызовам. DIB не способна производить достаточное количество нужных видов ВВСТ, чтобы отразить агрессию противника и одержать победу в будущем конфликте. Она не обладает оперативностью и гибкостью, чтобы динамично и быстро наращивать производство разнообразных видов вооружений во время кризиса. DIB также не обладает устойчивостью, необходимой для того, чтобы противостоять глобальным вызовам в условиях современного конфликта.

Авторы доклада выделяют следующие четыре приоритетных параметра для укрепления оборонно-промышленной базы США: производственные возможности, скорость реагирования, гибкость и устойчивость.

В первую очередь DIB США необходимо расширить производственные возможности, чтобы наладить выпуск критически важных видов ВВСТ, необходимых для сдерживания противников и поражения все более сложных угроз. Во-вторых, DIB также должна оперативно реагировать на существующие потребности ВС, чтобы в решающие моменты США могли наращивать производство ключевых изделий и быстро восполнять запасы вооружений. В-третьих, гибкость DIB подразумевает создание новых методов производства, позволяющих повысить эффективность и рентабельность ОПК. Наконец, DIB должна повысить свою устойчивость к внешним вызовам, диверсифицировав поставщиков и укрепив цепочки поставок. Эксперты отмечают, что модернизация DIB с учетом обозначенных параметров потребует значительного увеличения финансовых затрат, но бездействие обойдется США еще дороже. В конце доклада эксперты предлагают ряд рекомендаций для укрепления DIB США:

- нарастить производственные мощности;
- обеспечить постоянный спрос на ВВСТ с помощью многолетних контрактов;
- использовать гибкие механизмы заключения контрактов (опционные контракты);
- создавать резервные производственные площадки;
- создавать запасы и резервы продукции и материалов;
- принять новые парадигмы производства;
- поощрять конкуренцию;
- укреплять сотрудничество с партнерами и союзниками.

Институт международных политических исследований
(Institute for International Political Studies, ISPI)

Джузеппе Ди Лучча (Giuseppe Di Luccia), старший научный сотрудник ЮНИКРИ, в котором занимается вопросами, находящимися на стыке международных отношений и безопасности, с одной стороны, и международных финансов и торговли – с другой

30.05.2025. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/non-proliferazione-il-fronte-finanziario-209899>

Теги: #Европа #Informational #Economic

Автор утверждает, что в условиях новой многополярности и ослабленного международного порядка финансовые инструменты становятся ключевым элементом борьбы с ядерной и другой серьезной вооруженной угрозой. Через механизмы, такие как санкции и включение юрисдикций в черные списки Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF), удастся блокировать финансовые потоки, способствующие развитию ядерных программ государств и террористических групп. Преимущество статьи в том, что рассматриваемая тема представлена в современном контексте, доводы убедительны, особенно аргумент о том, что оружейная гонка становится финансовым вызовом. Однако статья почти не содержит конкретики. Автор упоминает Саудовскую Аравию, Польшу или Корею как потенциальных претендентов на ядерную мощь, но не раскрывает, какие именно финансовые потоки или схемы могут блокироваться и какие юрисдикции уже пострадали. Без таких кейсов его доводы выглядят необоснованными. Статья Джузеппе Ди Лучча – интересное и своевременное введение в финансовый фронт нераспространения, но как академический или прикладной текст она нуждается в деталях, эмпирических данных и планах по реализации.

Роль FATF и санкций

В статье подчеркнуто, что списки FATF и односторонние санкции ЕС и США действительно представляют собой действенный механизм давления – через отключение от международных финансовых отношений и стимулирование реформ.

Однако такой подход чрезмерно ориентирован на «давление сверху». Предполагается, что страны «исправятся», если попадут в черный список, но прецеденты Ирана (включенного в список FATF) показывают, что режим может укрепиться, перейдя к альтернативным схемам или неформальным каналам (нефтяной бартер, криптовалюты). Отсутствие анализа обходных путей снижает практическую ценность аргументов.

Государственные и негосударственные акторы

Автор справедливо выделяет рост ядерных амбиций не только среди государств, но и среди негосударственных акторов: террористических групп, криминальных синдикатов. Он справедливо отмечает, что контроль над финансовыми потоками – ключ к ограничению их возможностей.

Тем не менее не проведен четкий анализ того, как именно финансовые механизмы работают против таких акторов. Гораздо важнее показать, как FATF-направленность внутри транснациональных банков и трафик санкционных инструментов действительно усложняют схемы финансирования. Без конкретных примеров (например, по «Хезболле») позиция остается слишком умозрительной.

Риски и побочные эффекты

Автор приводит аллереорию со «старым и новым оружием» – обращает внимание на то, что цифровые валюты, обфускация, криптоканалы продолжают наращивать сложность финансовых цепей. При этом Ди Лучча справедливо признает наличие цифровой угрозы. Но он не приводит более глубокие предложения – нужны конкретные меры и сценарии реагирования: международные соглашения по контролю крипты, мониторинг DeFi-сервисов, запреты на анонимные транзакции. Без этого тревога выглядит напрасной.

Международные и односторонние меры

Автор подчеркивает, что рост односторонних санкций (США, ЕС) компенсирует недостатки многосторонних механизмов (ДНЯО, ОЗХО). Такие меры порождают эскапизм – страны создают «альтернативную инфраструктуру» (Китай, БРИКС). Статья не анализирует, как такие процессы подрывают глобальное сотрудничество. Задача в том, чтобы предложить баланс между эффективностью санкций и необходимостью поддерживать глобальную архитектуру.

Таким образом, Ди Лучча делает радикальное предложение – считать финансовую политику зоной сдерживания и прицела так же, как контроль над технологиями и инспекциями. Это добавляет новый уровень стратегии нераспространения. В статье отсутствуют конкретные примеры и методологическая глубина, что ослабляет заявление автора. Даже широкий обзор трендов требует подтверждений через данные или кейсы.

Институт стратегии национальной безопасности
(Institute for National Security Strategy, INSS)

Ли Сон Хун (이성훈), Центр стратегии безопасности

Ким Сон Бэ (김성배), Центр стратегии безопасности

04.04. 2025. URL: https://www.inss.re.kr/publication/bbs/ib_view.do?nttlId=41037476&bbsId=ib&page=1&searchCnd=100&searchWrd=#none

Теги: #Корея #Россия #США #Economic

В этом материале INSS кроме «головокружительных» перспектив, открывающихся для южнокорейских вооружений в связи с планами США по наращиванию военной мощи, представлены и проблемы K-Defense, которые необходимо решить для устойчивого развития оброченной промышленности Республики Кореи. Действительно, зависимость Сеула от оборонных технологий США является одним из главных вызовов для ОПК Южной Кореи. Если в среднесрочной перспективе Республика Корея рассчитывает конкурировать на равных с США, Россией, Китаем и европейскими производителями ВВСТ на мировом рынке вооружений, то в первую очередь ей необходимо обеспечить себе технологический суверенитет и наращивать оборонные НИОКР.

Согласно Временному стратегическому руководству по национальной безопасности, представленному П. Хегсетом в марте 2025 г., оборонная стратегия второй администрации Д. Трампа сводится к защите материка, восстановлению баланса, справедливому распределению бремени коллективной обороны, а также усилению сдерживания Китая в Индо-Тихоокеанском регионе. Другими словами, главный приоритет США – защита американских территорий и предотвращение вторжения Китая на Тайвань. Европа сдерживает Россию. За безопасность на Ближнем Востоке отвечает Саудовская Аравия, за безопасность в СВА – Южная Корея и Япония.

Авторы исследования отмечают, что для сдерживания роста военной мощи Китая США усилят операции по обеспечению свободы судоходства, укрепят американские военные базы в Японии и на Филиппинах, увеличат количество совместных учений и расширят военное сотрудничество с союзниками. Наиболее существенным препятствием для проведения военных операций и развертывания американских войск в регионе является отсутствие у США возможностей для быстрого строительства кораблей и судоремонта.

Глобальные военные операции США могут рассматриваться как возможность для корейской оборонной промышленности в следующих аспектах.

Во-первых, США необходимо поддерживать свое подавляющее военное превосходство над Китаем. Взрывной рост спроса на американские военные корабли и потребности в их обслуживании в сочетании с нехваткой американских мощностей для удовлетворения этого спроса – это огромная возможность для K-Defense. Об этом свидетельствует недавнее сотрудничество между правительством США и корейскими компаниями, такими как HD Hyundai и Hanwha Ocean.

Во-вторых, страны Ближнего Востока будут самостоятельно укреплять военную мощь, чтобы противостоять угрозам со стороны Ирана. Южнокорейские эксперты предполагают, что в регионе вырастет спрос на системы ПВО, танки и подводные лодки.

В-третьих, в Европе происходит формирование беспрецедентного рынка вооружений. Председатель комиссии ЕС Урсула фон дер Ляйен подчеркнула необходимость создания общеевропейского рынка ВВСТ, полностью зависящего от европейской системы оборонных поставок. В будущем европейские производители вооружений также могут воспользоваться «окном возможностей» в Индо-Тихоокеанском регионе, составив конкуренцию K-Defense.

В-четвертых, такие страны, как Филиппины, Индонезия и Вьетнам, уже предпочитают приобретать южнокорейские вооружения вместо устаревших китайских ВВСТ. В то время как закупки оружия у США, Китая и России могут усилить геополитическую напряженность, корейские вооружения относительно нейтральны и не создадут дополнительных противоречий между странами. Кроме того, южнокорейские вооружения эффективны и выгодны по цене. В будущем Республика Корея может стать ключевым поставщиком вооружений в регионе.

Для устойчивого развития K-Defense авторы материала дают следующие рекомендации:

- рассматривая экспорт в страны с низкой национальной кредитоспособностью (Восточная Европа и Юго-Восточная Азия), Южная Корея должна внедрить систему FMS (The Foreign Military Sales) по американскому образцу;

- необходимо избегать чрезмерной конкуренции между корейскими оборонными компаниями и эффективно реагировать на конкуренцию со стороны других стран посредством единой команды K-Defense;
- текущая тенденция в экспорте вооружений меняется – покупатели требуют «комплексные пакеты», включающие локализацию, передачу технологий и создание подразделений, поэтому K-Defense понадобится поддержка на всех уровнях (МО, МИД, министерство торговли, промышленности и энергетики);
- несмотря на последние достижения, самой большой слабостью K-Defense по-прежнему является уровень локализации основных технологий, для того чтобы стать «оборонной державой», необходима технологическая независимость, а не просто рост масштабов оборонной промышленности.

Оружие сильного? – Рецензия на книги «Использование и злоупотребление вооруженной взаимозависимостью» и «Подпольная империя: Как Америка превратила мировую экономику в оружие»

(强者的武器? – 评《相互依赖武器化的使用与滥用》及《隐蔽帝国:美国如何将世界经济武器化》)

Институт международных и стратегических исследований
Пекинского университета
(北京大学国际战略研究院)

Цзоу Юэ (邹玥), Институт международных отношений Китайского народного университета

02.04.2025. URL: <https://www.iiss.pku.edu.cn/info/1361/5566.htm>

Теги: #Взаимозависимость #Геоэкономика #Санкции #США #Сетевой анализ #Китай

Данная статья представляет собой обзор двух основополагающих работ по теории «вооруженной взаимозависимости» (weaponized interdependence) американских политологов Генри Фаррелла и Абрахама Ньюмана – другими словами, взаимозависимости, используемой державами как оружие и средство давления. Публикация является отличным введением в эту концепцию, объясняя, как глобальные экономические сети (финансовые, технологические, логистические) превращаются в инструменты геополитического влияния. В работе автор структурирует теорию, выделяя ее ключевые механизмы («эффект паноптикума» и «эффект удушающего приема»), движущие силы (страх и гегемонистские обязательства) и практические примеры – от санкций против Ирана и Huawei до функционирования системы SWIFT. В то же время в работе указана внешняя критика данной теории, например недостаточный учет контрстратегий государств-мишеней. Несмотря на кажущуюся очевидность некоторых идей указанной концепции, она отражает и обосновывает актуальную на сегодняшний день роль экономических сетей в обеспечении военно-стратегических преимуществ ведущих держав и в то же время дает понять, что злоупотребление гегемона своим влиянием может стимулировать другие страны искать альтернативы и формировать ответные действия.

В статье рассматриваются две книги, посвященные концепции weaponized interdependence: The Uses and Abuses of Weaponized Interdependence («Использование и злоупотребление вооруженной взаимозависимостью») и Underground Empire: How America Weaponized the World Economy («Подпольная империя: Как Америка превратила мировую экономику в оружие»). Авторы этих работ утверждают, что тесно связанные глобальные экономические сети, изначально созданные для повышения эффективности, теперь все чаще используются ведущими державами, в первую очередь США, в качестве оружия для достижения политических целей.

Понимание концепции weaponized interdependence

Смысл термина заключается в использовании государством своего выгодного положения в глобальных экономических сетях для получения геостратегических преимуществ. Теория отходит от традиционного анализа двусторонних отношений и фокусируется на структуре сетей. В современном мире эти сети (финансовые, технологические) часто имеют асимметричную структуру «центр – периферия» или «хаб – спицы» (hub-and-spoke), где центральное положение занимают США.

Такое положение позволяет центральной стране использовать два основных механизма воздействия:

1) «эффект удушающего приема» (Chokepoint Effect): контроль над узловыми точками сети для ограничения или полного прекращения доступа для страны-мишени;

2) «эффект паноптикума» (Panopticon Effect): использование доступа к информации, циркулирующей в сети, для тотальной слежки за действиями других участников. Концепция отсылает к проекту идеальной тюрьмы «Паноптикум» Джереми Бентама.

Политолог Майкл Мастандуно дополняет эту модель двумя ключевыми факторами, влияющими на поведение государства-гегемона: «гегемонистские обязательства» (необходимость поддерживать систему и союзников) и «страх» (восприятие угроз национальной безопасности). В зависимости от сочетания этих факторов использование «оружия» может варьироваться от минимального до рутинного и постоянного.

Практика weaponized interdependence

Существует ряд примеров того, как США используют свое центральное положение в различных сетях.

Если посмотреть на этот вопрос с позиции финансов, то можно отметить, что США контролируют мировую финансовую систему благодаря доминированию доллара и ключевой роли в системе SWIFT. После терактов 11 сентября 2001 г. США сначала заставили SWIFT предоставлять данные о транзакциях («паноптикум»), а затем начали использовать отключение от системы как инструмент давления, в частности, на Иран («удушающий прием»).

Говоря об IT-сфере, заметим, что США – это главное сосредоточение инфраструктуры интернета (подводные кабели, точки обмена трафиком) и крупнейших IT-платформ (Google, Amazon и др.). Этот факт позволил американским спецслужбам реализовать программу тотальной слежки PRISM. Пользуясь стратегическим положением в сфере технологий и инноваций, США применяют санкции против технологических конкурентов, как в случае с Huawei, которую внесли в санкционные списки и отрезали от поставок ключевых компонентов в сфере микроэлектроники.

Производство современных систем вооружений, таких как истребители пятого поколения F-35, создает сложные производственные сети, где США также занимают центральное положение. Это позволяет им оказывать давление на союзников и партнеров, как это произошло с Турцией, которую исключили из программы F-35 в 2020 г. после обострения отношений.

Последствия и критика теории

Постоянное использование «оружия взаимозависимости» имеет обратный эффект. Оно заставляет другие страны, включая союзников США, активнее стремиться к «стратегической автономии», создавать альтернативные системы и изолировать себя от американского влияния, что подрывает саму основу могущества США.

Теория Фаррелла и Ньюмана подвергается критике. В частности, Брюс Джентлсон отмечает, что она слишком статична и не уделяет должного внимания контрстратегиям государств-мишеней, которые могут смягчать экономический ущерб, не меняя свою политику. Кроме того, на способность государства использовать это «оружие» влияют и внутривнутриполитические факторы. Например, частные компании и лоббистские группы в США могут выступать против санкций, если те наносят ущерб их интересам, как это было во время зернового эмбарго против СССР в 1979 г., вызвавшего протесты американских фермеров. Наконец, эффект от санкций не всегда предсказуем: правительство Ирана, например, успешно использовало американское давление для мобилизации внутренних ресурсов и населения вокруг антиамериканской риторики.

Теоретический вклад и практическое значение

Книги Фаррелла и Ньюмана внесли определенный вклад в проблемы глобальной политэкономии и теории международных отношений, бросив вызов либеральному оптимизму в отношении взаимозависимости, сфокусировались на роли сетей, созданных частным сектором, и объединили анализ экономической сферы и области безопасности.

В практическом плане эта концепция служит предостережением. Для ведущих держав злоупотребление своим положением в долгосрочной перспективе может привести к разрушению гегемонии. Для остальных стран это сигнал о необходимости управлять рисками и снижать уязвимость. Автор приходит к выводу, что сама по себе взаимозависимость не является ни хорошей, ни плохой. Перед международным сообществом стоит задача не допустить ее использования как «оружия сильного», а превратить в инструмент для решения глобальных проблем.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Китай

Япония ускоряет разработку надводных беспилотников

(日本加速研发水面无人艇)

Китайская военная сеть
(中国军网)

Цзы Гэ (子歌), ответственный редактор

11.06.2025. URL: http://www.81.cn/wj_208604/16390864.html

Теги: #Китай #Япония #ВМС #Military

Интерес китайских аналитиков к созданию Японией крупногабаритного надводного беспилотника объясняется потенциальными последствиями проекта для стратегической архитектуры в регионе. С китайской точки зрения подобные разработки укладываются в общий вектор наращивания японских военных возможностей и повышения оперативной самостоятельности сил самообороны, что, в свою очередь, воспринимается как элемент расширения возможностей Токио в рамках американо-японского альянса. Особенно чувствительно воспринимается то, что акцент делается на автономное развертывание и интеграцию беспилотников в смешанные боевые соединения вблизи юго-западных островов – в том числе в районе Окинавы, которая традиционно рассматривается в Пекине как опорная зона американского военного присутствия и инструмент проекции силы в сторону Тайваня и Восточно-Китайского моря. С учетом того что Япония декларирует намерение активнее участвовать в обеспечении стабильности в Тайваньском проливе, а также расширяет оборонное взаимодействие с США и Австралией, эксперты в КНР трактуют такие инициативы как часть долгосрочной стратегии «функциональной нормализации» японского военного потенциала.

Министерство обороны Японии недавно сообщило о начале испытаний нового типа надводного беспилотного аппарата, разработанного морскими силами самообороны. Это первый крупногабаритный беспилотник подобного типа, созданный Японией собственными силами, его развертывание планируется до 2030 г. На фоне активизации международных программ по созданию морских беспилотных систем данный шаг вызвал значительный интерес как внутри страны, так и за ее пределами.

Указанный беспилотный аппарат разрабатывается совместно Агентством оборонных закупок министерства обороны Японии и корпорацией Mitsubishi Heavy Industries. Длина платформы составляет около 50 м; она оснащена современными оптико-электронными и инфракрасными сенсорами, а также радиолокационной системой. Установленный на борту искусственный интеллект способен в режиме реального времени идентифицировать потенциальные угрозы и самостоятельно принимать решения в автономном режиме.

Платформа сконструирована по модульному принципу, что позволяет оперативно менять полезную нагрузку в зависимости от задач. Конфигурация беспилотника совместима с различными типами вооружения, включая ракеты, предназначенные для поражения наземных, воздушных и морских целей. Также возможна установка торпед и беспилотных подводных аппаратов.

Кроме того, на борту установлен командный комплекс Mitsubishi CoasTitanC2, обеспечивающий интеграцию с другими видами беспилотных платформ – как воздушных, так и подводных. Это позволяет формировать единый тактический контур для совместного выполнения сложных задач в составе сетевых структур.

На протяжении последних лет Япония последовательно наращивает инвестиции в развитие беспилотных боевых систем. В обновленной стратегии национальной безопасности беспилотные технологии были отнесены к числу ключевых направлений укрепления обороноспособности страны. Согласно плану развития вооруженных сил, в период с 2023 по 2027 г. предусмотрено выделение 1 трлн иен (примерно 69 млрд долл.) на разработку и закупку беспилотных систем, включая надводные платформы, способные действовать совместно с пилотируемыми кораблями и решать широкий спектр боевых задач.

По мнению китайских аналитиков, активизация работ по надводным беспилотным аппаратам продиктована не только необходимостью компенсировать нехватку кадрового состава и сосредоточить персонал на пилотируемых платформах. Она отражает и более широкие стратегические замыслы.

В числе этих замыслов – формирование после 2030 г. флота из надводных беспилотников, способного выполнять широкий круг задач – от разведки до нанесения ударов. Такая «флотилия-призрак» призвана расширить возможности морских сил самообороны Японии как с точки зрения географического охвата, так и по устойчивости к возможным атакам.

Отдельное внимание уделяется усилению постоянного наблюдения в ключевых акваториях. В частности, предполагается развернуть у побережья Окинавы платформы, способные длительное время действовать в автономном режиме и выполнять задачи по сбору разведывательной информации, наблюдению и мониторингу. При этом в стратегически значимых морских районах планируется построение многоуровневой системы наблюдения, объединяющей надводные и подводные беспилотные аппараты, что должно повысить возможности раннего обнаружения и нанесения превентивных ударов.

Морские силы самообороны также рассматривают возможность интеграции надводных беспилотников и подводных дронов в состав смешанных соединений, включающих пилотируемые корабли нового поколения, такие как эскортные ракетные фрегаты класса «Могами». Предполагается, что такие соединения смогут выполнять задачи противокорабельной, противовоздушной и противолодочной обороны, повышая тем самым общую устойчивость японских сил в море и их способность к сдерживанию.

Как отмечают эксперты, факт проведения испытаний и наличие планов по развертыванию еще не означает, что Японии удалось преодолеть все технологические барьеры. Механизмы принятия решений автономными системами в условиях сложной и изменяющейся обстановки по-прежнему находятся на стадии доработки. Не решен и вопрос устойчивости каналов связи в условиях радиоэлектронного противодействия. Таким образом, от стадии прототипа до полноценного боевого применения еще предстоит пройти несколько этапов технологической валидации, а заявленные цели, включая создание смешанных флотилий, пока сопряжены с высокой степенью неопределенности.

Италия

Защита Европы (La difesa dell'Europa)

Институт международных отношений
(Istituto Affari Internazionali, IAI)

Стефано Сильвестри (Stefano Silvestri), научный консультант и бывший президент IAI

03.04.2025. URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaip2504.pdf>

Теги: #Европа #Informational #Military #Strategy

Доклад из 14 страниц за авторством С. Сильвестри анализирует суть вызовов, стоящих перед Европой на фоне трансформации глобального порядка и ослабления трансатлантических связей. После выборов в США и частичного отстранения Вашингтона от европейских дел встает вопрос: может ли Европа сама себя защитить? Статья представляет собой не столько научное исследование, сколько манифест, призыв к активным действиям для построения европейской обороны. Однако конкретные предложения почти не представлены.

Автор предлагает различать два понятия: «европейская оборона» (Difesa europea) как наднациональный проект (неосуществимый в ближайшей перспективе) и «оборона Европы» (Difesa dell'Europa), осуществимая через гибкие альянсы и технологическое переоснащение. Этот нюанс центральный в тексте: он освобождает дискуссию от иллюзий федерализации и предлагает реалистичный сценарий безопасности, основанный на координации, а не на централизме.

Какой может быть европейская оборона?

С. Сильвестри предлагает модель «обороны-ежа»: не армии вторжения, а плотной сети высокотехнологичных оборонительных систем (дроны, спутники, БПЛА, ИИ). Эта концепция вдохновлена украинским сопротивлением и делает ставку на эффективность, а не на численность. Он предлагает опираться на существующие ресурсы, особенно на потенциал Франции, Польши, Германии и стран Балтии, для создания минимально достаточной, но действенной архитектуры сдерживания.

Однако статья не до конца прорабатывает вопрос финансирования: как распределятся расходы между бедными и богатыми странами ЕС? Как преодолеть политические разногласия?

НАТО, США и европейский суверенитет

Автор выступает за сохранение НАТО, но с ключевой оговоркой: в условиях нестабильности американской политики (особенно в эпоху Трампа) Европа должна быть готова действовать автономно. Он предлагает создать европейское командование, встроенное в существующую структуру SHAPE, которое можно активировать в случае выхода США из альянса. Это компромисс между необходимостью и институциональной инерцией.

Однако остается открытым вопрос: кто и как примет решение об активации этого «виртуального штаба»? Будет ли он легитимным в глазах всех стран ЕС?

Ядерный вопрос: единый арсенал или французская инициатива?

Ядерное сдерживание – самая спорная часть будущей европейской безопасности. Эксперт считает, что Франция может предоставить расширенный зонтик другим странам ЕС, но создание объединенного ядерного арсенала он считает нереалистичным без политического союза. При этом тема вызывает серьезные правовые и моральные споры внутри Европы. Автор не раскрывает, как можно согласовать такую инициативу с антиядерной позицией ряда государств и общественным мнением.

Европа как геополитический субъект

В финале статьи звучит важное предостережение: чтобы быть стратегически автономной, Европа не должна ограничиваться милитаризацией. Без восстановления нормативной силы, дипломатии, технологической независимости и стратегического мышления она останется объектом чужих игр. Военная мощь без политического единства превращает ЕС во «внешний фасад без фундамента».

Таким образом, Сильвестри предлагает реалистичную и прагматичную дорожную карту для «защиты Европы» без необходимости революционных институциональных изменений. Его подход – это компромисс между федералистской мечтой и национальным эгоизмом. Но для ее реализации необходимо сформировать политическое ядро инициативы (вокруг Франции, Польши, Германии); обеспечить финансирование и согласование целей; найти способ легитимировать оборонные решения без бюрократической блокировки.

ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ

Республика
Корея

Возвращение шестидесятых: восстановление ядерного присутствия США в СВА
(A Sixties Comeback: Restoring U.S. Nuclear Presence in Northeast Asia)

Асанский институт политических исследований
(The Asan Institute for Policy Studies)

Цой Канг (Choi Kang), президент Асанского института политических исследований

Питер К. Ли (Peter K. Lee), научный сотрудник Центра региональных исследований

09.05.2025. URL: <https://en.asaninst.org/contents/a-sixties-comeback-restoring-u-s-nuclear-presence-in-northeast-asia/>

Теги: #Корея #Россия #США #Китай #Military

Материал Асанского института политических исследований отражает один из подходов южнокорейского экспертного сообщества к вопросу обеспечения стратегической стабильности на Корейском полуострове и в СВА. Данный материал интересен тем, что корейские исследователи отмечают изменения в ядерной доктрине России как один из вызовов для стратегической стабильности. Действительно, в Республике Корея на протяжении последних трех лет активизировалась дискуссия о целесообразности создания собственной военной ядерной программы для сдерживания КНДР и снижения зависимости от США в вопросах национальной безопасности. Однако издержки у такого решения будут очень высокими. В то же время возвращение американского ТЯО в СВА, по мнению Сеула, хоть и не снизит зависимость от ядерного зонтика Вашингтона, позволит избежать санкционных и репутационных потерь в отличие от сценария с созданием собственного ядерного арсенала.

Уроки холодной войны

В конце 1950-х г. Соединенные Штаты начали перебрасывать ядерное оружие на свои военные базы в Южной Корее и Японии, а также на Тайване, Филиппинах и на Гуам. Это оружие предназначалось для сдерживания Северной Кореи и Китая от обычных военных провокаций, а также для использования в случае глобального конфликта против Советского Союза. Очень важно, что эти американские вооружения были развернуты за несколько лет до того, как КНР испытала свое первое ядерное оружие в 1964 г., и за десятилетия до того, как Северная Корея обзавелась собственным ядерным арсеналом в 1990-х гг. На пике своей активности в 1967 г. Соединенные Штаты разместили 3200 единиц ядерного оружия в западной части Тихого океана, включая 950 единиц в Южной Корее и почти 1200 единиц в Японии. По мнению авторов аналитического материала, это оружие, а также американское военное присутствие сохраняли баланс сил в Северо-Восточной Азии на протяжении всей холодной войны.

США вывели ядерное оружие из Тихоокеанского региона после окончания холодной войны в связи с активизацией усилий по контролю над вооружением.

Северокорейская ядерная угроза

Южная Корея подтвердила свои безъядерные обязательства. В декабре 1991 г. Сеул договорился с Пхеньяном о подписании Совместной декларации о денуклеаризации Корейского полуострова. Однако в течение следующих 20 лет Северная Корея нарушала все свои обязательства, создавая всеобъемлющий ядерный арсенал. Северная Корея продолжает разрабатывать ядерное оружие в нарушение многочисленных международных и межкорейских соглашений о денуклеаризации.

По оценкам экспертов, Северная Корея уже накопила достаточно расщепляющегося материала для производства не менее 100 ядерных боеголовок. Согласно совместному докладу Асанского института политических исследований и корпорации RAND, опубликованному в 2023 г., к 2027 г. Северная Корея может увеличить запас расщепляющегося ядерного материала до 300 ядерных боеголовок. Северная Корея диверсифицировала не только свои ядерные боеголовки, но и средства доставки. С тех пор как в начале 1990-х гг. была обнаружена ядерная программа Северной Кореи, Южная Корея оказалась в зоне досягаемости северокорейских баллистических ракет малой и средней дальности.

Евразийская ядерная ось

Не только ядерное оружие Северной Кореи представляет угрозу для Южной Кореи и Японии. В 1961 г. Китай и Россия подписали с Северной Кореей договоры о взаимной обороне, предусматривающие военное вмешательство. Россия подписала Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Северной Кореей и Россией в 2024 г., и две страны укрепляют свой союз благодаря тому, что Северная Корея развернула войска численностью 10 тыс. человек в поддержку российского вторжения на Украину. Авторы отмечают, что в феврале 2023 г. Россия четко обозначила свои ядерные намерения, заявив о выходе из нового Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-III), российско-американского соглашения о сокращении ядерных вооружений.

В то же время Китай начал амбициозную программу модернизации ядерного оружия. В настоящее время в его арсенале находится 600 боевых ядерных боеголовок, которые к 2030 г. увеличатся до 1 тыс., и он также диверсифицирует свои системы доставки ядерного оружия. Кроме того, сохраняются опасения по поводу возможного нападения Китая на Тайвань. Китай и Россия больше не испытывают необходимости в «полной денуклеаризации Корейского полуострова», которую они номинально поддерживали. Вместо того чтобы попытаться решить северокорейскую ядерную проблему, Москва и Пекин теперь помогают и потворствуют незаконному ядерному арсеналу Пхеньяна.

Президент России В. Путин в ноябре 2024 г. утвердил новую ядерную доктрину, которая значительно снизила порог применения ядерного оружия, оговорив, что Россия может использовать ядерное оружие даже в ответ на неядерные атаки, если они представляют «угрозу суверенитету России». По мнению авторов, мир превратился из мира, в котором ядерное оружие когда-то считалось непригодным для использования, в мир, в котором его применение теперь является реальной возможностью. Мир, в котором ядерные силы авторитарных режимов Евразии действуют как единое целое, является кошмаром для Южной Кореи, Японии и всего либерального международного порядка.

Изменения в отношении Южной Кореи и Японии

Несмотря на эти тенденции, Южная Корея и Япония последовательно придерживаются безъядерных принципов, полагаясь на ядерный зонтик США как на главную гарантию своей безопасности. После непродолжительного рассмотрения варианта ядерного вооружения перед лицом отказа США от него в 1970-х гг. Южная Корея ратифицировала Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в апреле 1975 г., а Япония сделала это в июне 1976 г. Хотя эти безъядерные принципы очень важны, Сеулу и Токио было бы неразумно оставаться беззащитными перед ядерными угрозами противника ради соблюдения этих принципов.

Желание Южной Кореи и Японии иметь более сильные варианты ядерного сдерживания обусловлено растущими угрозами, а также неуверенностью в отношении обязательств США по расширенному сдерживанию. Эта дилемма уверенности усилилась за последнее десятилетие из-за подхода президента Д. Трампа к евразийской ядерной оси, а также к традиционным союзникам. Трамп упоминал «трехстороннюю инициативу по контролю над вооружениями» с Россией и Китаем как часть большой разрядки.

Нельзя исключать и риск «переговоров по контролю над ядерным оружием», в ходе которых санкции против Северной Кореи будут частично сняты, а отношения между США и Северной Кореей нормализованы в обмен на замораживание ядерного потенциала Северной Кореи на уровне, не представляющем прямой угрозы континентальной части США. В последние годы лидеры Южной Кореи, как и некоторые японские лидеры, намекали на необходимость пересмотра давно устоявшихся представлений о ядерном сдерживании.

Меньшее из двух зол

Собственное ЯО может стать ответом на ядерные угрозы для Южной Кореи и Японии. Однако это рискует непреднамеренно подорвать союз Сеула и Вашингтона, а также ускорить отказ США от него, не говоря уже о том, что Южная Корея окажется в ситуации самопомощи в обеспечении безопасности, к которой она еще не готова в военном отношении. Для Японии обладание собственным ядерным вооружением было бы еще сложнее. Вместо того чтобы порывать с Соединенными Штатами, стремясь к созданию собственного ядерного оружия, или повторять неудачный опыт расширенного сдерживания, Южная Корея и Япония должны побудить Соединенные Штаты и администрацию Трампа переосмыслить подходы к сдерживанию.

Союзники должны быть готовы нести более тяжелое бремя, вновь размещая у себя ядерное оружие, а Соединенные Штаты должны быть готовы разделить с ними бремя по контролю и принятию решений, аналогично тому, как это выстроено в Европе. Более того, это оружие может быть в итоге выведено в рамках любых будущих переговоров по контролю над вооружениями, которые позволят добиться прогресса в денуклеаризации Корейского полуострова, как это было изначально согласовано всеми сторонами три десятилетия назад. До тех пор обновленная структура ядерных сил во главе с США, включающая тактическое ядерное оружие передового базирования, станет видимой и ощутимой демонстрацией коллективной решимости, которая восстановит баланс против евразийской ядерной оси.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ

Китай

Выбор политики Китая и китайско-российские отношения на фоне украинского кризиса
(乌克兰危机背景下的中国政策选择与中俄关系)

Институт международных и стратегических исследований
Пекинского университета
(北京大学国际战略研究院)

Чжао Хуашэн (赵华胜), профессор Института международных исследований
Фуданьского университета

02.04.2025. URL: <https://www.iiss.pku.edu.cn/info/1361/5572.htm>

Теги: #Китай #Россия #Украина #Кризис #Политика Китая
#Международные отношения #США

Статья представляет собой анализ и развернутое обоснование официальной позиции Китая по украинскому кризису, нацеленное на экспертную аудиторию. Чжао Хуашэн последовательно опровергает западные интерпретации политики Пекина, предлагая собственную трактовку ключевых понятий. Ключевая особенность текста – отказ от термина «нейтралитет» в пользу «конструктивного вмешательства». По мнению автора, Китай не является пассивным наблюдателем, а занимает активную позицию, нацеленную на поиск решения и основанную на собственных оценках, а не на безоговорочной поддержке одной из сторон. Интересно, что статья также отражает внутреннюю китайскую дискуссию, признавая существование как «проукраинских», так и «пророссийских» взглядов. В то же время автор четко обозначает доминирующую позицию: поддержка России продиктована не столько симпатией к ее действиям, сколько прагматичным пониманием того, что ослабление РФ усилит стратегическое давление США на сам Китай.

Украинский кризис вывел китайско-российские отношения в центр мировой политики. Хотя Китай не является непосредственным участником конфликта, его позиция имеет решающее значение, поскольку КНР – это важная «внешняя сила», способная повлиять на глобальный стратегический баланс. Выбор Китая определяет не только будущее китайско-российских отношений, но и то, в какую сторону сместится чаша весов на международной арене.

Нейтралитет или «конструктивное вмешательство»

Автор утверждает, что определение позиции Китая как «нейтральной» является неточным и неверным. С точки зрения международного права Китай не является нейтральной страной, так как не объявлял о своем нейтралитете. В политическом смысле его позиция также не является нейтральной. Политика нейтралитета предполагает отстраненность и отсутствие суждений о действиях сторон, в то время как Китай с самого начала спецоперации РФ на Украине заявил, что будет определять свою позицию, «исходя из существа самого вопроса», то есть вынося независимые оценки. Это подтверждается и голосованиями в ООН, где Китай не только воздерживался, но и голосовал «за» и «против» по разным резолюциям, исходя из их содержания, а не из стремления сохранить равноудаленность.

Китай признает сложность причин кризиса, учитывая как непосредственный повод (действия России), так и исторический контекст, а именно пять волн расширения НАТО на восток. Автор подчеркивает, что украинский кризис – это не только война между Россией и Украиной, но и прокси-война между Россией и Западом. Соответственно, позиция Китая не может быть нейтральной и в этом противостоянии, поскольку Пекин считает первопричиной конфликта расширение НАТО и провокации со стороны США, а также выступает против политики санкций и поставок оружия Киеву.

Наиболее точным определением политики Китая автор называет «конструктивное вмешательство» (建设性介入). В отличие от пассивного нейтралитета этот подход подразумевает активное участие с целью поиска решения проблемы, продвижения переговоров и предотвращения эскалации.

Неприсоединение или «сотрудничество без ограничений»

Западная критика часто ссылается на совместное заявление от 4 февраля 2022 г., где прозвучала фраза «сотрудничество не имеет запретных зон» («合作没有禁区»), как на доказательство того, что Китай знал о планах России и поддержал их. Автор опровергает этот тезис, указывая на несколько фактов.

- Это предположение не имеет под собой фактических доказательств.
- Высокопоставленные лица обеих стран неоднократно его отрицали.

- Уже 25 февраля, после начала военных действий, Си Цзиньпин в разговоре с В. Путиным призвал уважать суверенитет и территориальную целостность всех стран, что было бы нелогично, если бы Китай изначально поддерживал спецоперацию.

Формула «сотрудничество без ограничений» не является чем-то новым и использовалась в официальном лексиконе еще до начала украинского кризиса. Она является скорее «литературным усилением», а не конкретным политическим обязательством. Фундаментальный принцип «неприсоединения к союзам, неконфронтация и ненаправленность против третьих стран» остается неизменным. Таким образом, «сотрудничество без ограничений» существует именно в этих рамках.

Споры внутри Китая: «пророссийская» и «проукраинская» позиции

Автор признает, что кризис вызвал в Китае острую полемику. Существует точка зрения, что Китай должен осудить Россию, чтобы не понести репутационный и экономический ущерб. Однако доминирующей является другая позиция, согласно которой Китай должен поддерживать Россию.

Ее логика основана не на безусловном одобрении действий РФ, а на трезвом стратегическом расчете. Во-первых, в основе конфликта лежит противостояние России с США и НАТО. Во-вторых, США являются главной угрозой для Китая и любая страна, которая борется с американской гегемонией, заслуживает поддержки. В-третьих, отказ от поддержки России не изменит политику США по сдерживанию Китая, но при этом ослабит как Россию, так и сам Китай, что является стратегически невыгодным решением.

Отношения с Россией: положительный или отрицательный актив?

Несмотря на определенный ущерб, автор настаивает, что отношения с Россией остаются для Китая положительным активом. Хотя объем торговли с РФ уступает торговле с ЕС и США, он не является маловажным, а в сфере энергетики имеет ключевое стратегическое значение. Россия – один из главных поставщиков нефти, трубопроводного газа и угля в Китай, что критически важно для обеспечения энергетической безопасности КНР.

Помимо экономики отношения с РФ имеют под собой ряд стратегических составляющих, среди которых стабильность протяженной российско-китайской сухопутной границы, сотрудничество в сфере безопасности в соседних регионах, а также фактор стабильного «евразийского тыла» в условиях стратегического давления США.

Долгосрочная стабильность

Автор подчеркивает, что международные отношения обладают инерцией. Большинство стран Глобального Юга не присоединились к санкциям против России, сохранив с ней нормальные отношения. Позиция Китая в этом смысле не уникальна и соответствует общей закономерности. Текущий период дружбы (27 лет с момента установления стратегического партнерства) является самым долгим за всю 400-летнюю историю китайско-российских отношений. Это результат осознания «болезненных уроков прошлого». Сохранение этих отношений является естественным выбором и не означает автоматической поддержки всех действий партнера, что является нормой в международных отношениях.

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ
ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ
И СТРАТЕГИИ НИУ ВШЭ

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Предыдущие выпуски мониторинга здесь:

Заказать экспертно-аналитическую работу
в ИМВЭС НИУ ВШЭ:

achihachev@hse.ru